

© 2008 г.

Дж. РОБЕРТС (Великобритания)

ШАНС ДЛЯ МИРА? СОВЕТСКАЯ КАМПАНИЯ В ПОЛЬЗУ ЗАВЕРШЕНИЯ "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ". 1953–1955 годы

ВСТУПЛЕНИЕ

В апреле 1953 г. в речи "Шанс для мира" президент США Д. Эйзенхауэр назвал СССР виновником "холодной войны". Эйзенхауэр посчитал необходимым, чтобы СССР продемонстрировал свои мирные намерения посредством завершения войны в Корее, подписания договора с Австрией, освобождения военнопленных, начала серьезных переговоров о разоружении и контроле над вооружениями, предоставления народам Восточной Европы свободы выбора своих правительств. Два года спустя только последнее из этих требований оставалось невыполненным.

Существовала ли возможность закончить "холодную войну" после смерти И.В. Сталина? В современной исторической науке высказывается единодушное мнение, что, несмотря на существенные изменения во внутренней и внешней политике постсталинского СССР, возможность завершить "холодную войну" была, в лучшем случае, мимолетной. В этом плане особенно важным представляется осмысление влияния на советское руководство восстания в Восточной Германии в июне 1953 г. Обычно утверждается, что это событие разрушило советские иллюзии относительно перспектив коммунистического развития в Германии, и реакцией Москвы был отказ от проведения политики объединения Германии. Факт принятия Советским Союзом идеи двух Германий означал, что политическое решение германского вопроса было заблокировано и, таким образом, был открыт путь к усилению раскола Европы и к будущему глубокому кризису конца 1950-х – начала 1960-х годов¹.

Главная проблема подобной интерпретации состоит в том, что СССР после июньских событий в ГДР не только не отказался от политики объединения Германии, но стал стремиться к этой цели с еще большим рвением. На Берлинском совещании министров иностранных дел в январе–феврале 1954 г. советская сторона предложила немедленно создать временное общегерманское правительство, которое организовало бы всегерманские выборы с целью скорейшего достижения воссоединения страны.

Это предложение было дополнено радикальным планом замены порожденных "холодной войной" блоков на общеевропейскую систему коллективной безопасности. В значительной степени европейская система коллективной безопасности предлагалась как контекст, в рамках которого могло бы быть достигнуто решение по объединению двух Германий. Эта политика общеевропейской коллективной безопасности, с одной стороны, и воссоединения Германии – с другой, была снова предложена советской стороной на Женевской встрече в июле 1955 г. и Женевском совещании министров иностранных дел в октябре–ноябре 1955 г.

Если руководствоваться общедоступными данными о происходившем, "шанс для мира" после смерти Сталина был скорее длительным процессом, чем мимолетной воз-

Робертс Джефри (Великобритания) – профессор истории Ирландского университета, г. Корк.

Перевод с английского языка – к.и.н. Г.Е. Гиголаева.

¹ *Kramer M.* Introduction. – *The Cold War after Stalin's Death: A Missed Opportunity for Peace?* Lanham, 2006.

возможностью. Исследования, проведенные историками в российских архивах в последние годы, подтверждают этот вывод и устанавливают, что широкая кампания Москвы по завершению "холодной войны" была отнюдь не простым пропагандистским актом. Н.И. Егорова в обзоре советской политики безопасности 1954–1955 гг. подчеркивает, что поиск Москвой новых подходов к решению споров, порожденных холодной войной, был искренним – это касалось, в частности, предложений по общеевропейской коллективной безопасности².

В исследовании Н.Е. Быстровой, посвященном формированию послевоенных блоков в Европе, обрисована схожая картина постоянных, хотя и безуспешных усилий Москвы предотвратить дельнейшую поляризацию, вызванную "холодной войной", в первые годы после смерти Сталина³.

Согласно мнению Ф.И. Новик, изложенному в детальном исследовании германской политики СССР в 1953–1955 гг., предложения Москвы по достижению единства Германии были серьезными, и только в середине 1955 г., когда Западная Германия была принята в НАТО и образовалась Организация Варшавского договора – СССР окончательно принял концепцию двух Германий⁴.

А.М. Филитов в серии статей, посвященных СССР и германскому вопросу, приходит во многом к тем же выводам, что и Ф.И. Новик, однако особенность его точки зрения заключается в том, что он рассматривает в качестве главного архитектора советской политики разрядки министра иностранных дел В.М. Молотова, хотя обычно эта роль приписывается Н.С. Хрущеву, сменившему Сталина на посту партийного лидера. Однако А.М. Филитов описывает Хрущева скорее в качестве "ястреба", который саботировал усилия Молотова и министерства иностранных дел (МИД) СССР, направленные на достижение договоренности с Западом по германскому вопросу⁵.

Наша статья продолжает линию современной российской историографии и исследует готовность Москвы к достижению в годы после смерти Сталина широкомасштабного урегулирования порожденных "холодной войной" в Европе споров⁶. Широкий круг новых свидетельств из российских архивов демонстрирует готовность СССР к радикальному компромиссу по германскому вопросу и серьезному обсуждению планов по созданию структуры паневропейской системы коллективной безопасности, то есть, к переговорам, которые могли бы привести к окончанию "холодной войны". В самом деле, в период Женевского совещания министров иностранных дел советская кампания по созданию европейской коллективной безопасности была на грани серьезного прорыва, поскольку западные державы сами предложили мероприятия по организации общеевропейской системы безопасности в обмен на общегерманские выборы, ведущие к достижению единства Германии. Молотов был готов к дальнейшим переговорам, но

² Егорова Н.И. Европейская безопасность, 1954–1955 гг. Поиски новых подходов. – Холодная война, 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003; *её же*. Понятие "разрядки" в 1950-е годы: советская и западная интерпретация. – Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы. М., 2003.

³ Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.), т. 2. М., 2005.

⁴ Новик Ф.И. "Оттепель" и инерция холодной войны (германская политика СССР в 1953–1955 гг.). М., 2001.

⁵ Филитов А.М. Советский Союз и германский вопрос в период позднего сталинизма. – Сталин и холодная война. М., 1998; СССР и ГДР: год 1953-й. – Вопросы истории, 2000, № 7; *её же*. СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961). – Холодная война, 1945–1963 гг.; *её же*. Нота 10 марта 1952 года: продолжающаяся дискуссия. – Россия и Германия, вып. 3. М., 2004; *Filitov A.* The Post-Stalin Succession Struggle and the Austrian State Treaty. – Der Osterreichische Staatsvertrag 1955. Vienna, 2005.

⁶ Статья основана на результатах исследований, проведенных автором в 2004–2008 гг. в архивах России: Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Автор использовал микрофильмы документов РГАНИ, ставшие доступными благодаря программе Гарвардского университета по исследованию "холодной войны". Автор работал с недавно рассекреченными материалами личного фонда В.М. Молотова в РГАСПИ, однако документы этого фонда в основном датируются периодом до смерти И.В. Сталина.

Хрущев заблокировал любые переговоры, касающиеся обмена германского единства на общеевропейскую коллективную безопасность. В итоге советская кампания за окончание "холодной войны" была заведена в тупик вследствие коллизий советской внутренней политики. Однако более гибкая реакция Запада на изначальные предложения Москвы по созданию коллективной безопасности могла бы изменить динамику борьбы между Хрущевым и Молотовым вокруг внешнеполитических вопросов и, возможно, открыла бы путь к урегулированию германского вопроса.

СОВЕТСКОЕ МИРНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

Традиционной отправной точкой в анализе послесталинской советской внешней политики является так называемое "мирное наступление", начатое на похоронах Сталина 9 марта 1953 г. Основным докладчиком был Г.М. Маленков, только что избранный председателем Совета Министров СССР. По словам Маленкова, "Советский Союз проводил и проводит последовательную политику сохранения и упрочения мира, политику борьбы против подготовки и развязывания новой войны, политику международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами, политику, исходящую из ленинско-сталинского положения о возможности длительного сосуществования и мирного соревнования двух систем – капиталистической и социалистической"⁷. Несколькими днями позже, на заседании Верховного Совета СССР, Маленков заявил, что "нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных стран. Это касается наших отношений со всеми государствами, в том числе и наших отношений с Соединенными Штатами Америки. Государства, заинтересованные в сохранении мира, могут быть уверены как в настоящем, так и в будущем, в прочной мирной политике Советского Союза"⁸.

Мирное наступление продолжилось в апреле 1953 г., когда советский представитель в ООН А.Я. Вышинский призвал к заключению пакта мира между Великобританией, Китаем, Францией, СССР и США⁹. Это было не новое предложение. Вышинский впервые выдвинул подобную идею в своем выступлении в ООН в 1949 г., а в 1951–1952 гг. руководимое СССР движение сторонников мира провело широкую кампанию за заключение этого пакта. Одним из главных мероприятий этой кампании стало составление массовой петиции, под которой было собрано 600 млн подписей – на 100 млн больше, чем под знаменитым Стокгольмским воззванием, требовавшим запрещения ядерного оружия¹⁰.

О пакте мира Маленков говорил и в докладе ЦК КПСС на XIX партсъезде в октябре 1952 г.: "Существует другая перспектива, перспектива сохранения мира, перспектива мира между народами. Эта перспектива требует запрещения пропаганды войны... запрещения атомного и бактериологического оружия, поступательного сокращения вооруженных сил великих держав, заключения пакта мира между державами, роста торговли между странами, восстановления единого мирового рынка, и других подобных мер в духе укрепления мира"¹¹.

⁷ Правда, 10.III.1953.

⁸ Речь Председателя Совета министров СССР Г.М. Маленкова – Правда, 16.III.1953.

⁹ Выступление А.Я. Вышинского в Политическом комитете Генеральной ассамблеи ООН 9 апреля 1953 г. – Правда, 11.IV.1953.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1397–1404.

¹¹ В проекте речи Маленкова этот раздел был разработан более детально: в нем говорилось о заключении пакта о ненападении между великими державами сроком на 50 лет и проведении международной мирной конференции. Но речь была отредактирована Сталиным и эти положения были заменены на текст, приводимый в обратном переводе с английского. Текст был разослан членам Политбюро, однако лишь Сталин внес в него существенные поправки. В архиве содержатся варианты речи Маленкова. – РГАСПИ, ф. 592, оп. 1, д. 6, л. 5.

Приведенные высказывания Маленкова наглядно демонстрируют, что постсталинское мирное наступление было продолжением мирной кампании, начавшейся в конце сталинской эпохи. Впрочем, в советской внешней политике присутствовали как преемственность, так и перемены. От ряда наиболее острых черт сталинской политики после его смерти было решено отказаться: была прекращена антиссионистская кампания и произошло восстановление дипломатических отношений с Израилем; прекратились требования территориальных уступок от Турции, равно как и претензии на совместный контроль над Черноморскими проливами; завершился конфликт с Югославией и был произведен обмен послами с Белградом, что стало началом полномасштабного восстановления советско-югославских отношений; и, главное, был найден выход из тупика в переговорах о перемирии в Корею – в июле 1953 г. соглашение было подписано.

Западные лидеры отреагировали на изменения в советской внешней политике выдвижением собственных инициатив и предложений. 16 апреля 1953 г. Эйзенхауэр произнес речь "Шанс для мира", а 11 мая британский премьер-министр У. Черчилль в очередной раз призвал к проведению встречи лидеров великих держав. Москва ответила на речь Эйзенхауэра большой передовицей в "Правде" от 25 апреля¹². Эта редакционная статья стала первым важным внешнеполитическим заявлением нового советского руководства. Проект статьи был подготовлен главным редактором "Правды" Д.Т. Шепиловым и журналистом Г.А. Жуковым. Затем статья была отредактирована Молотовым, который разослал ее членам Президиума ЦК для внесения замечаний. Маленков, Каганович и, в особенности, курировавший государственную безопасность Берия дали свой детальный комментарий – их предложения были включены в текст¹³. Хотя в статье подчеркивалась преемственность советской внешней политики и давался резкий отпор критике, высказанной Эйзенхауэром, тон статьи был гораздо менее воинственным, чем в аналогичных документах сталинской эпохи; особый акцент делался на готовности СССР вести переговоры по всем неразрешенным проблемам.

Одной из важных тем, поднятых в статье, был германский вопрос. Речь шла о том, чтобы "как можно скорее был заключен мирный договор с Германией, дающий германскому народу возможность воссоединиться в едином государстве и занять подобающее место в содружестве миролюбивых народов, и чтобы вслед за этим были выведены из Германии оккупационные войска, содержание которых ложится дополнительным бременем на плечи германского народа". Месяц спустя "Правда" вернулась к германскому вопросу в другой обширной передовице, опубликованной на этот раз в качестве ответа на призыв Черчилля к проведению саммита глав великих держав. Данная редакционная статья также была в целом позитивной по содержанию, однако Черчилль был подвергнут критике за то, что не упомянул достигнутые в Ялте и Потсдаме соглашения о создании единой миролюбивой и демократической Германии: "восстановлении единства Германии, что имеет решающее значение не только для самой Германии, но и для дела обеспечения безопасности в Европе и во всем мире... расчленение Германии означает восстановление очага военной опасности в центре Европы"¹⁴.

¹² К выступлению президента Эйзенхауэра. – Правда, 25.IV.1953. Перевод на английский язык вместе с факсимильным изображением первой страницы газеты см.: *The Current Digest of the Soviet Press*, v. 5, 1953, № 14, p. 5–7.

¹³ Проект статьи, подготовленной Шепиловым и Жуковым, а также замечания Молотова см.: АВП РФ, ф. 06, оп. 12, п. 27, д. 413. Последующие проекты и замечания членов Президиума ЦК. – Там же, д. 414, л. 55–130.

¹⁴ К современному международному положению. – Правда, 24.V.1953. Об ответе СССР на предложение Черчилля о встрече в верхах см.: *Bar-Noi U. The Soviet Union and Churchill's Appeals for High-Level Talks, 1953–1954: New Evidence from the Russian Archives*. – *Diplomacy & Statecraft*, v. 9, 1998, № 3, p. 110–133.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА

После смерти Сталина советская позиция по германскому вопросу оставалась в основном такой же, как и при его жизни. Объединение Германии в качестве миролюбивого и демократического государства обозначалось как цель, которую следовало достичь путем переговоров о заключении мирного договора, который гарантировал бы нейтралитет Германии и ее неучастие в "холодной войне".

Советские требования объединения Германии восходят еще к 1945 г.¹⁵ Однако поворотный пункт в советской политике относится к марту 1952 г., когда была опубликована обращенная к западным державам нота, в которой предлагалось немедленно начать переговоры по мирному договору с Германией, что должно было привести к объединению страны. Исторические дебаты вокруг этой ноты в основном велись относительно интерпретации намерений Сталина: был ли он серьезно настроен на достижение договоренности о единой Германии, или это была политическая игра¹⁶? Этот спор вряд ли возможно разрешить, поскольку имеющиеся свидетельства не однозначны и может оказаться, что и сам Сталин не был полностью уверен в своих намерениях. Однако представляется достаточно ясным, что те, кто формулировал советскую политику в германском вопросе – Молотов и его коллеги в МИД – делали предложения по объединению Германии вполне серьезно, как в 1952 г., так и в 1953 г., когда они снова повторили их после смерти Сталина¹⁷.

Мартовские предложения 1952 г. были запоздалым ответом на "план Плевена" (октябрь 1950 г.), который предусматривал образование европейской армии и объединенного европейского министерства обороны – план, который впоследствии включил в себя предложения о перевооружении Западной Германии и интеграции ФРГ в Европейское оборонительное сообщество (ЕОС). СССР в своей ноте впервые представил проект предполагаемого мирного договора с Германией. По советскому плану, Германия должна была стать единым государством; союзные оккупационные войска подлежали выводу из страны в течение года; германские вооруженные силы должны были быть сокращены до уровня, необходимого для обороны страны; и, самое главное, Германия обязывалась не вступать ни в одну коалицию или военный союз, направленные против государств, которые воевали против нее в последнюю войну, то есть Германии не было бы позволено вступить в НАТО или ЕОС. В советской ноте также говорилось о создании условий, способствующих скорейшему формированию общегерманского правительства, выражающего волю всего немецкого народа.

В своем ответе на советскую ноту, датированном 25 марта, американское, британское и французское правительства в очередной раз повторили свой постоянный призыв к проведению свободных общегерманских выборов, которые позволили бы сформиро-

¹⁵ Послевоенная советская политика по германскому вопросу подробно освещена в сборнике документов "СССР и германский вопрос, 1941–1949 гг." (т. 1–3. М., 1996–2003). После выхода в свет этой публикации стали доступны новые документы из архива Молотова.

¹⁶ Особенно острыми были дебаты между немецкими историками. См.: *Steininger R.* The German Question and the Stalin Note of 1952. New York, 1990; *Stalin and German Reunification: Archival Evidence on Soviet Foreign Policy in Spring 1952.* – *The Historical Journal*, v. 37, 1994, № 2; *Wettig G.* The Soviet Union and Germany in the Late Stalin Period, 1950–1953. – *The Soviet Union and Europe in the Cold War, 1949–1953.* London, 1996; *Loth W.* Stalin's Unwanted Children: The Soviet Union, the German Question and the Founding of the GDR. London, 1998; *Bereitschaft zur Einheit in Freiheit? Die Sowjetische Deutschlandpolitik, 1945–1955.* München, 1999; *Die Stalin-Note vom 10. März 1952.* München, 2002; *The Origins of Stalin's Note of 10 March 1952.* – *Cold War History*, v. 4, 2004, № 2; *Lauffer J.* Die Stalin-Note vom 10. März 1952 im Lichte neuer Quellen. – *Vierteljahrshefte Für Zeitgeschichte*, 2004, № 1; *Die Sowjetunion und die Deutsche Frage.* Göttingen, 2007.

¹⁷ О роли Молотова и МИД СССР в создании мартовской ноты 1952 г. см.: *Bjornstad S.* The Soviet Union and German Unification during Stalin's Last Years. Oslo, 1998. Изыскания С. Бьорнстада могут быть дополнены материалами из недавно рассекреченного фонда Молотова в РГАСПИ, содержащего политические проекты, подготовленные для Сталина и реализованные в мартовской ноте 1952 г. – РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1169–1170.

вать правительство, а уже после того это правительство смогло бы заключить мир. И, как и в вопросе заключения мирного договора, будущее германское правительство должно было быть совершенно свободно в вопросе вступления в любую организацию, не противоречащую принципам ООН, включая "чисто оборонительное Европейское сообщество, которое будет оберегать свободу, способствовать предотвращению агрессии и препятствовать возрождению милитаризма". В ответной ноте от 9 апреля советская сторона допускала возможность дискуссии о свободных общегерманских выборах, но настаивала на предотвращении вступления объединенной Германии в любой союз или коалицию, которая могла бы быть направлена против СССР. Обмен нотами между СССР и западными державами продлился несколько месяцев¹⁸. Но к концу 1952 г. советская сторона утратила интерес к переписке. Ответ на западную ноту от 23 сентября был подготовлен, но так и не увидел свет¹⁹. Только весной 1953 г. Молотов и его коллеги из МИД СССР решили попробовать еще раз.

Помимо возможностей, предоставившихся благодаря смерти Сталина, здесь необходимо учитывать некоторые внутренние особенности, повлиявшие на советскую позицию по Германии. 18 апреля 1953 г. И.И. Тугаринов, глава малого Комитета информации при МИД СССР, представил информационную справку по западной политике в германском вопросе. Тугаринов отмечал, что западные державы в своем стремлении протолкнуть ратификацию парижско-боннских соглашений по образованию ЕОС сталкиваются со все более усиливающейся оппозицией во Франции и Западной Германии. Тугаринов также говорил о том, что советское мирное наступление породило на Западе ожидания, что СССР возьмет на себя инициативу и предложит провести конференцию четырех держав по германскому вопросу²⁰. В тот же день Г.М. Пушкин, бывший глава советской дипломатической миссии в Берлине, и М.Г. Грибанов, заведующий Третьим европейским отделом МИД (курировавшим Германию), направили Молотову памятную записку с предложением новых инициатив по германскому вопросу. Они указывали, что западные державы опасаются активизации советской политики в германском вопросе, и предлагали меры по укреплению позиций восточногерманского правительства и образованию временного общегерманского правительства, сформированного из представителей обеих Германий, в задачу которого входила бы, главным образом, разработка избирательного закона для проведения общегерманских выборов²¹.

Предложение о создании временного общегерманского правительства стало неотъемлемой частью памятных записок, подготовленных в МИД СССР²². Примечательна записка, направленная Молотову 28 апреля 1953 г. Я.А. Маликом, бывшим советским представителем в ООН (вскоре он был назначен советским послом в Великобритании), и В.С. Семеновым²³, бывшим председателем Советской контрольной комиссии в Германии, а также Пушкиным и Грибановым.

Советские дипломаты утверждали, что для того, чтобы удержать инициативу в германском вопросе в своих руках, СССР должен предложить не только создание временного общегерманского правительства, но и немедленный вывод всех оккупацион-

¹⁸ Текст этих нот был опубликован в ряде изданий, например: *The Efforts Made by the Federal Republic of Germany to Re-Establish the Unity of Germany by Means of All-German Elections*. Bonn, 1954, p. 84–110. Тексты советских проектов ответов на западные ноты см.: РГАСПИ: ф. 82, оп. 2, д. 1170–1171.

¹⁹ Проект ноты правительству США. – АВП РФ, оп. 41, п. 271, д. 19, л. 58–65.

²⁰ О политике западных держав по германскому вопросу. – АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 271, д. 18, л. 3–29. Английский перевод этого документа см.: *Uprising in East Germany 1953*. Budapest, 2001, p. 52–56.

²¹ Записка по германскому вопросу. – АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 271, д. 19, л. 13–19. См. также: *Uprising in East Germany 1953*, p. 67–70.

²² Записка по германскому вопросу, 21.04.1953. – АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 271, д. 18, л. 30–43; Предложение по германскому вопросу, 24.04.1953. – АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 271, д. 19, л. 1–12, 20–30.

²³ См.: От Хрущева до Горбачева. Из дневника чрезвычайного и полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова. – *Новая и новейшая история*, 2004, № 3, 4.

ных войск после формирования этого правительства. Подобное двойное предложение, по мнению составителей памятной записки, должно было подорвать позицию Запада, требовавшего проведения общегерманских выборов еще до обсуждения условий мирного договора²⁴. Непосредственные политические выгоды от предложения о выводе оккупационных войск сразу после формирования общегерманского временного правительства (что существенно отличалось от прежних советских требований о выводе войск через год после подписания мирного договора) подчеркивались Семеновым и в меморандуме в адрес Молотова от 2 мая 1953 г. Позиция Семенова заключалась в том, что переговоры по мирному договору могут затянуться на годы, в то время как вывод оккупационных войск по мере создания временного правительства открывает более близкую перспективу в этом вопросе. Это может повлиять на общественное мнение в Германии и помочь Советскому Союзу перехватить инициативу в борьбе за воссоединение страны на демократической и мирной основе.

Хотя Семенов, как и другие сотрудники МИД, при обосновании новых внешнеполитических инициатив выдвигал, прежде всего, тактические соображения, он также четко представлял себе и стратегические цели новых предложений. Как гласил меморандум, "Главной трудностью германского вопроса в послевоенный период была проблема национального воссоединения Германии. Началась борьба между Советским Союзом и ГДР, с одной стороны, и США, Англией, Францией и Боннским правительством – с другой... С 1945 г. вся политика в германском вопросе была построена на защите требования объединения Германии на мирной и демократической основе, а позднее также на требованиях скорейшего заключения мирного договора, сопровождающемся выводом всех оккупационных сил из Германии"²⁵.

На основе этих внутриведомственных соображений Молотов и МИД в начале мая подготовили проект предложений для Президиума ЦК, поставив вопрос о необходимости новых инициатив по германскому вопросу, краеугольным камнем которых был призыв к созданию временного общегерманского правительства²⁶. Однако эти предложения не дали немедленного результата, поскольку в ГДР нарастал кризис, связанный с миграцией населения, который требовал большего внимания: только за первые 4 месяца 1953 г. более чем 120 тыс. жителей Восточной Германии эмигрировали в Западную. Миграция в подобных масштабах вела к политическому ослаблению, угрозам экономике и вносила существенный вклад в нарастание социального недовольства в ГДР. Непосредственной причиной миграционного кризиса стала программа по ускоренному строительству социализма, развернутая в ГДР в середине 1952 г., и связанное с ней повышение трудовых нормативов для населения. Столкнувшись со все множившимися свидетельствами народного недовольства по отношению к восточногерманским властям, Москва пыталась стабилизировать ситуацию²⁷. 2 июня Советское пра-

²⁴ О наших дальнейших мероприятиях по германскому вопросу. – АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 271, д. 18, л. 44–48. См. также: *Uprising in East Germany 1953*, p. 71–73.

²⁵ *Uprising in East Germany 1953*, p. 82–85; Записка по германскому вопросу. – АВП РФ, ф. 082, оп. 41, папка 271, д. 18, л. 52–59. 5 мая 1953 г. Семенов направил Молотову документ аналогичной направленности: справку по германскому вопросу. – АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 271, д. 19, л. 31–38.

²⁶ О наших дальнейших мероприятиях по германскому вопросу. – АВП РФ, ф. 06, оп. 12, п. 16, д. 259, л. 39–73. Документы показывают, что мидовские предложения были изучены партийным руководством 5 мая 1953 г.; исправленный проект был рассмотрен 10 мая. В середине мая последовал новый этап работы над политическим заявлением: "Нота по германскому вопросу" 13 мая 1953 г. и "Проект ноты правительству США 15 мая 1953 г." (АВП РФ, ф. 082, оп. 41, п. 271, д. 18, л. 60–79). Один из вариантов документа, подготовленного для Президиума ЦК, опубликован на английском языке: *Uprising in East Germany 1953*, p. 90–96. См. также: *Scherstjanoi E. Die Sowjetische Deutschlandpolitik nach Stalins tod 1953: Neue Dokumente aus dem Archiv des Moskauer Aussenministeriums. – Vierteljahrshefte fur Zeitgeschichte, Bd. 46, 1998, № 3, S. 535–543.*

²⁷ *Kramer M. The Early Post-Stalin Succession Struggle and Upheavals in East-Central Europe*, p. 1. – *Journal of Cold War Studies*, v. 1, 1999, № 1, p. 12–15, 22–30.

вительство приняло резолюцию, предложенную Молотовым, Маленковым и Берия, "О мерах по оздоровлению политической ситуации в ГДР". Немецким коммунистам было предписано отказаться от форсированного строительства социализма и осуществить ряд экономических и политических реформ в целях восстановления собственной популярности и авторитета. В числе этих мер было "сделать задачу политической борьбы в целях восстановления национального единства Германии и заключения мирного договора центром внимания широких народных масс, как в ГДР, так и в Западной Германии"²⁸.

В тот же день делегация восточногерманских коммунистов прибыла в Москву на трехдневные переговоры с советскими лидерами. Среди участников переговоров был Маленков, который подготовил выступление о событиях в Восточной Германии и их взаимосвязи с резолюцией по германскому вопросу. Главная идея речи Маленкова состояла в том, что объединение Германии в качестве мирного и демократического государства является более важным приоритетом, чем построение социализма в ГДР: "Вопрос о перспективах развития Германской Демократической республики не может рассматриваться в изоляции от задачи объединения Восточной и Западной Германии в единое Германское государство. Необходимо подчеркнуть, что наиболее важной проблемой современной международной системы является возрождение германского единства, превращения Германии в мирное демократическое государство. Некоторые люди склонны думать, что мы выдвигаем вопрос восстановления германского единства, преследуя определенные пропагандистские цели, что на самом деле мы не стремимся положить конец разделению Германии, что мы не заинтересованы в возрождении единой Германии. Это глубочайшее заблуждение... Мы рассматриваем единство Германии и ее превращение в демократическое и миролюбивое государство как наиболее важное условие, как одну из наиболее существенных гарантий сохранения европейской и, как следствие, мировой безопасности... Глубоко заблуждаются те, кто думает, что Германия может существовать в течение долгого времени в условиях расчленения в форме двух независимых государств. Придерживаться позиции сохранения расчленения Германии значит придерживаться курса на новую войну... Бороться за объединение Германии на определенных условиях, за превращение ее в мирное и демократическое государство, значит придерживаться курса на предотвращение новой мировой войны... На каких основаниях может быть достигнуто объединение Германии в современной международной ситуации? По нашему мнению, только на основании того, что Германия будет буржуазно-демократическим государством. В существующих условиях национальное объединение Германии на основе преобразования Германии в государство диктатуры пролетариата в форме народной демократии – невыполнимо... Соответственно, необходимо выбирать: или курс на ускоренное строительство социализма в ГДР, на существование двух независимых Германий, и значит курс на Третью мировую войну, или отказ от ускоренного строительства социализма в ГДР и курс на объединение Германии в форме буржуазно-демократического государства на условиях ее преобразования в миролюбивую и демократическую страну. Вот почему, по нашему мнению, наиболее неотложная задача для наших немецких друзей состоит в быстром и решительном осуществлении мер, которые мы рекомендуем для нормализации политической и экономической ситуации в ГДР и для сохранения в будущем успешного решения задачи объединения Германии и ее превращения в мирное и демократическое государство"²⁹.

Это был примечательный документ. Никогда прежде политическая логика советской позиции по германскому вопросу не была изложена столь откровенно. Как в пуб-

²⁸ Uprising in East Germany 1953, p. 133–136.

²⁹ *Filitov A.* "Germany will be a Bourgeois-Democratic Republic". The New Evidence from the Personal File of Georgy Malenkov. – Cold War History, 2006, v. 6, № 4. Цитируется в обратном переводе с английского. Оригинал на русском языке – РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 3, л. 131–141.

личных выступлениях, так и во внутриведомственных документах МИД СССР вероятные политические последствия объединения Германии для ГДР постоянно обходились молчанием. Безоговорочно принималось на веру, что успешная борьба за миролюбивую и демократическую Германию усилит позицию ГДР и западногерманских коммунистов и, таким образом, позитивно скажется на социальном и политическом характере нового германского государства, которое утвердится в форме режима левой ориентации, симпатизирующего Советскому Союзу. Никто не задавался вопросом, что будет, если этот идиллический сценарий не материализуется и Советскому Союзу придется выбирать между стратегическими выгодами от создания объединенной нейтральной Германии и политическими императивами поддерживать позиции коммунистов в ГДР? Маленков тоже не задавал подобный вопрос, но по крайней мере он был уверен относительно приоритетов.

Несмотря на то, что степень откровенности выступления Маленкова была уникальной, все, что он вынужден был сказать, находилось в четком соответствии с долговременной политикой СССР и с результатами пересмотра германского вопроса, предпринятого Молотовым и возглавляемым им МИД в апреле–мае 1953 г. В самом деле, после отъезда восточногерманской делегации из Москвы в Восточный Берлин, МИД СССР продолжал выпускать документы, и по языку и по основным идеям схожие с тем, что сказал Маленков в своей речи³⁰. Однако события следующих нескольких недель еще более сузили временные рамки, в течение которых германский вопрос мог обсуждаться советским руководством.

Первым из этих событий стало июньское восстание 1953 г. в Восточной Германии³¹. Провозглашение правительством ГДР "нового курса", который должен был умерить темп строительства социализма, было воспринято частью населения как признак слабости. В то же самое время правительство отказалось снизить трудовые нормативы; результатом стал рост массового протеста, который перерос в полномасштабное общенациональное народное восстание к 16–17 июня. Согласно советским данным, предназначенным для внутреннего пользования, порядка 450 000 человек участвовали в забастовке и свыше 330 000 – в антиправительственных демонстрациях³². И хотя забастовки и демонстрации были сравнительно легко подавлены советскими войсками, размещенными в Германии³³, восстание продемонстрировало политическую уязвимость восточногерманского коммунистического режима, и это привело к удвоению усилий СССР по укреплению ГДР.

Вторым событием стало падение Берии и его осуждение на пленуме ЦК КПСС 2–7 июля 1953 г. Основные обвинения против Берии (который находился под арестом и не присутствовал на пленуме) относились к его деятельности на внутривнутриполитической сцене и его мнимому стремлению захватить власть в сотрудничестве с империалистами³⁴. Но обвинения в том, что он хотел сдать ГДР империалистам тоже были приняты во внимание в ходе процесса, хотя они играли и не столь выдающуюся роль как другие обличения. Открытый доклад на пленуме, озаглавленный "О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии", был сделан Маленковым. В разделе, посвященном германскому вопросу, Маленков объяснил, почему советское руковод-

³⁰ Проект ноты правительству США, 8.VI.1953 г. – АВП РФ, ф. 06, оп. 121, п. 3, д. 36, л. 1–24.

³¹ Документы Центрального архива ФСБ России о событиях 17 июня 1953 г. в ГДР. – Новая и новейшая история, 2004, № 1; *Хавкин Б.Л.* Берлинское жаркое лето 1953 г. – Новая и новейшая история, 2004, № 2.

³² О событиях 17–19 июня 1953 г. в Берлине и ГДР и некоторых выводах из этих событий. – АВП РФ, ф. 06, оп. 12а, п. 51, д. 301, л. 1–49. Английский перевод документа см.: *Uprising in East Germany 1953*, дос. 60.

³³ Согласно тем же данным, всего было 29 погибших, включая 11 представителей партии, полиции и правительственных сил и 350 раненых, в том числе 83 с правительственной стороны.

³⁴ *Наумов В.П.* Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. – Новая и новейшая история, 1998, № 5.

ство почувствовало необходимость отказа от курса на ускоренное построение социализма в ГДР. Подводя итоги, Маленков заявил, что "надо сказать, что Берия, при обсуждении германского вопроса, предлагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию. В свете всего, что мы узнали теперь о Берии, мы должны по-новому оценить эту его точку зрения. Ясно, что этот факт характеризует его как буржуазного перерожденца"³⁵. В сравнении с прочими измышлениями и упреками, брошенными в адрес Берии, это было относительно мягкое определение. Однако затем выступал Хрущев, который взвинтил тон высказываний о Берии и германском вопросе: "Наиболее ярко он показал себя как провокатор, как не коммунист это по германскому вопросу, когда поставил вопрос о том, что надо отказаться [от] строительства социализма, надо пойти на уступки Западу. Тогда ему сказали: что это значит? Это значит, что 18 миллионов немцев отдать под покровительство американцев. А он отвечает: да, надо создать нейтральную демократическую Германию. Как может нейтральная демократическая буржуазная Германия быть между нами и Америкой? Возможно ли это? ...Берия говорит, что мы договор заключим. А что стоит этот договор? Мы знаем цену договорам. Договор имеет свою силу, если подкреплён пушками. Если договор не подкреплён, он ничего не стоит. Если мы будем говорить об этом договоре, над нами будут смеяться, будут считать наивными. А Берия не наивный, не глупый, не дурак. Он умный, хитрый, но вероломный. Поэтому он так и делал, а может быть, делал по заданию, черт его знает, может быть, он получал через своих резидентов [т.е. агентов иностранных разведок – *Дж. Р.*] другие задания. Я за это не поручусь. Поэтому еще раз повторю, что он не коммунист, он провокатор, и вел он себя провокационно"³⁶.

Затем выступал Молотов, и он тоже подверг Берию нападкам в связи с германским вопросом. Берия, говорил он, безосновательно утверждал, что возможно существование миролюбивой Германии, которая при этом оставалась бы буржуазной. Молотов обвинял Берию в попытках извратить позицию Президиума ЦК по вопросу построения социализма в Германии, указав на то, что во время дискуссии с Берией он (Молотов) настаивал, что ошибкой было ускоренное строительство социализма, а не строительство социализма само по себе. Заявления Берии по германскому вопросу, говорил Молотов, свидетельствуют о том, что он "не имеет ничего общего с нашей партией, это человек из буржуазного лагеря, это человек антисоветский"³⁷.

Следом за Молотовым выступил военный министр Н.А. Булганин, который сказал, что Берия выступал за ликвидацию ГДР и восстановление буржуазной Германии³⁸. В заключительном слове Маленков не возвращался к германскому вопросу, однако в принятой пленумом резолюции, обвинявшей Берию, отмечалось, что последний говорил "об отказе от курса на строительство социализма в Германской Демократической Республике" и хотел превратить ГДР в буржуазную республику³⁹.

Осуждение предложенного Берией решения германского вопроса было связано с июньскими событиями в ГДР. Эти беспорядки оценивались советскими властями, причем и публично, и приватно, как результат провокации, направленной из-за рубежа⁴⁰. Связывая Берию с идеей о ликвидации ГДР, его бывшие товарищи обвинили его в том, что он не только политический ренегат и несостоявшийся диктатор, но и агент империализма. Кампанию по осуждению Берии возглавил Хрущев, и, возможно, подчеркивание им германского вопроса было связано с тем, что он испытывал сомнения

³⁵ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999, с. 223.

³⁶ Там же, с. 97.

³⁷ Там же, с. 102.

³⁸ Там же, с. 111.

³⁹ Там же, с. 359.

⁴⁰ Крах авантюры иностранных наймитов в Берлине. – Правда, 23.VI.1953.

или просто был отрицательно настроен по отношению к политике единой Германии. Определенно, в течение следующих двух лет Хрущев выступил как горячий защитник ГДР и поборник идеи двух Германий. В случае с Молотовым скорее всего преваляло его стремление дистанцироваться от Берии и от той политики советского правительства в германском вопросе, которую они вдвоем с Маленковым сформулировали в конце мая – начале июня. Высказывания Молотова на пленуме могли бы быть расценены как свидетельства того, что он окончательно склонился к позиции поддержки ГДР, однако, как мы увидим, подобное заключение не согласуется с политикой, которую он в действительности проводил в качестве министра иностранных дел в течение последующих двух лет – то есть стратегией объединения Германии.

Как повлияло на советскую политику по германскому вопросу осуждение Берии? М. Леффлер утверждает, что "обвинения против Берии продемонстрировали, как опыт прошлого, идеология и соотношение сил в рамках международной системы воспрепятствовали соглашению по воссоединению Германии"⁴¹.

Это оправданный вывод, если говорить о долгосрочной перспективе, однако непосредственное влияние дела Берии было куда более ограниченным и противоположным по содержанию. Речь больше не шла о том, что объединенная Германия может быть именно буржуазно-демократической, но задача воссоединения Германии в качестве демократического и мирного государства по-прежнему оставалась официальной задачей внешней политики. Точно так же, хотя советская поддержка ГДР как социалистического государства усилилась, Москва пока не давала никаких твердых гарантий относительно долговременного самостоятельного существования ГДР, контролируемой коммунистами.

Судя по всему, после дела Берии наступила пауза в размышлениях по германскому вопросу, однако к концу июля произошло возвращение к той позиции, которая была подготовлена в МИД в апреле – мае. Стимулом для этого стало получение 15 июля западной ноты с предложением созвать конференцию министров иностранных дел по германскому вопросу⁴². 30 июля заместитель Молотова А.А. Громыко представил своему шефу проект ноты по германскому вопросу. Громыко особо отмечал заявление от 15 июля и связывал активизацию политики западных держав в германском вопросе с предстоящими в Западной Германии парламентскими выборами. Громыко предлагал ряд мер с целью усиления позиций СССР в Германии и престижа ГДР как основу для восстановления объединенной Германии в качестве миролюбивого и демократического государства. Предложения были следующими: согласиться на проведение совещания министров иностранных дел при условии, что на нем будет обсуждаться мирный договор с Германией, а также меры по оздоровлению международных отношений в Европе и Азии; опубликовать советскую ноту по германскому вопросу с предложением о создании временного общегерманского правительства; провести в жизнь ранее предложенные экономические и политические меры по поддержке ГДР; провести совещание стран народной демократии в целях издания совместного заявления по германскому вопросу и заключению коллективного договора о дружбе; пригласить в Москву делегацию правительства ГДР и политических партий Восточной Германии⁴³.

2 августа 1953 г. Молотов переслал проект Громыко в Президиум ЦК, который согласился со всеми предложениями МИД за исключением совещания стран народной демократии⁴⁴.

⁴¹ *Leffler M.P.* For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union and the Cold War. New York, 2007, p. 119.

⁴² The Efforts Made by the Federal Republic of Germany, p. 126–127.

⁴³ Проект Записки в ЦК КПСС по германскому вопросу. – АВП РФ, ф. 06, оп. 12, п. 16, д. 264, л. 2–7. Громыко незадолго до того вернулся в Москву после краткосрочного пребывания на посту посла СССР в Великобритании.

⁴⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 121, п. 3, д. 36, л. 37–39.

Ответ СССР на ноту западных держав от 15 июля увидел свет 4 августа. Советская сторона выражала согласие на проведение совещания министров иностранных дел для обсуждения германского вопроса, однако настаивала, что обсуждаться должны также меры по смягчению международной напряженности, а в равной степени и вопрос германского единства и заключения мирного договора с Германией⁴⁵.

15 августа советское правительство выпустило еще одну ноту, на этот раз специально посвященную германскому вопросу. В ноте заявлялось, что "восстановление национального единства демократической Германии остается основополагающей проблемой немецкого народа, в разрешении которой заинтересованы все миролюбивые народы Европы... не должно быть никакой задержки в принятии мер, которые могли бы способствовать по меньшей мере постепенному решению проблемы объединения Германии, формирования общегерманского демократического правительства". С этой целью советское правительство предлагало созвать в шестимесячный срок совещание для обсуждения мирного договора с Германией, а также говорило о необходимости создания общегерманского временного правительства: "подобное правительство могло бы, по прямому соглашению между Восточной и Западной Германией, быть создано для замещения существующих правительств Германской демократической республики и Германской федеративной республики. Если бы это оказалось трудным в настоящее время, Временное общегерманское правительство могло бы быть образовано даже при том, что правительства ГДР и ГФР продолжали бы действовать какое-то время; в таком случае общегерманское правительство обладало бы, очевидно, только ограниченными функциями. Но даже в этом случае формирование Временного общегерманского правительства представляло бы собой реальный шаг вперед, в направлении объединения Германии, которое было бы осуществлено посредством создания общегерманского правительства на основе действительно свободных общегерманских выборов".

Текст ноты в целом отражал ту большую интеллектуальную работу, которая была проделана советским МИД в течение предшествующих месяцев, за исключением одного аспекта: в нем не было призыва к выводу оккупационных войск после создания общегерманского временного правительства – это умолчание было возможно вызвано опасением за сохранение коммунистического контроля над Восточной Германией после июньских событий в ГДР. Вместо этого было предложено ограничить расходы на содержание оккупационных войск. Изначальное советское предложение 1952 г. о выводе войск через год после подписания мирного договора также было отложено⁴⁶.

20 августа 1953 г. в Москву прибыла делегация ГДР для переговоров с советским руководством. По отбытии делегации в Германию через три дня было опубликовано коммюнике, отражавшее ряд советских уступок, направленных на усиление экономических позиций восточногерманского режима: выплата репараций прекращалась с января 1954 года; советские предприятия в Германии передавались правительству ГДР; советские оккупационные расходы должны были быть сокращены, а все долги ГДР перед СССР списывались; торговля между двумя странами должна была возрасти, что предусматривало предоставление Советским Союзом кредитов ГДР. Статус советской дипломатической миссии в ГДР повышался до уровня посольства, а также была достигнута договоренность об ускорении процесса освобождения немецких военнопленных, содержащихся в СССР⁴⁷. 22 августа, в речи в честь делегации ГДР на обеде в Кремле, Маленков подчеркнул необходимость противостояния планам Запада по раз-

⁴⁵ Note of the Soviet Government, August 4, 1953. – New Times, 12.VIII.1953, p. 2–4.

⁴⁶ Note of the Soviet Government to the Governments of France, Great Britain and the USA on the German Question. – New Times, 19.VIII.1953, p. 2–6.

⁴⁷ Soviet-German Communique. – New Times, 26.VIII.1953, p. 2–4.

делу Германии и важность борьбы за объединение Германии на миролюбивой и демократической основе⁴⁸.

НА ПУТИ К КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

За появлением советских нот от 4 и 15 августа 1953 г. последовал традиционный обмен враждебными дипломатическими выпадами с Западом. Тем не менее, к концу 1953 г. было достигнуто соглашение о проведении совещания министров иностранных дел. При этом в ходе обмена нотами начал вырисовываться основополагающий сдвиг в советской внешней политике, поскольку СССР начал переходить от позиции, что разрешение германского вопроса является ключом к европейской безопасности, к той точке зрения, что европейская безопасность является ключом к разрешению германского вопроса. Когда Молотов прибыл на совещание министров иностранных дел в Берлин в январе 1954 г., все было уже готово к запуску нового грандиозного советского проекта, который получил предпочтение по сравнению с предложением мирного договора с Германией: создания общеевропейской системы коллективной безопасности.

В ходе обмена нотами в 1953 г. советская сторона настаивала, что германский вопрос должен обсуждаться во взаимосвязи с мерами по уменьшению международной напряженности. Как заявил Молотов на пресс-конференции 13 ноября: "разрешение германской проблемы теснейшим образом связано с европейской безопасностью и, соответственно, с ослаблением международной напряженности"⁴⁹. Тремя днями позже западные державы опубликовали ноту, в которой обвинили СССР в том, что он выдвигает предложения, которые "имели бы своим следствием отказ Франции, Великобритании и США от всех планов по обеспечению своей собственной безопасности. Беззащитность Западной Европы, по всей видимости, является той наградой, которой хочет добиться советское правительство за свое участие в совещании"⁵⁰. Уязвленная этой западной контратакой советская сторона в ответной ноте от 26 ноября 1953 г. заявила: "Безопасность западноевропейских стран будет твердо гарантирована, если она будет основываться не на противопоставлении Западноевропейских стран Восточноевропейским странам, а на совместных усилиях по защите европейской безопасности... Советский Союз готов, вместе с другими европейскими странами, приложить все усилия для сохранения европейской безопасности посредством соответствующего соглашения, охватывающего все страны Европы вне зависимости от их социальной системы"⁵¹.

Это была основа советских предложений по общеевропейской безопасности. Помимо того, что это было новым направлением советской политики, существовала еще и тактическая необходимость упредить западные предложения по европейской коллективной безопасности.

В течение осени 1953 г. советские аналитики докладывали о дискуссиях в западной прессе по вопросу создания системы пактов о ненападении в Европе – предложению, которое должно было стать ответом на советскую обеспокоенность по поводу перевооружения Западной Германии и создания ЕОС. Советские обозреватели возводили истоки этих споров к предложению Черчилля о новом "Локарно", которое он сделал в мае 1953 г. Это была ссылка на Локарнские соглашения 1924 г., которые смягчили опасения Франции по поводу восстановления германской мощи посредством гарантий безопасности французских границ. Основная идея заключалась в том, чтобы предложить Советскому Союзу схожие гарантии, которые могли бы оформиться через признание территориальных границ, сложившихся в 1945 г. (т.е. признавались бы терри-

⁴⁸ Speech by G.M. Malenkov. – Ibid., p. 5–7.

⁴⁹ Ibid., 14.XI.1953, p. 4.

⁵⁰ Ibid., 28.XI.1953, p. 4.

⁵¹ Ibid., p. 6.

ториальные потери Германии в пользу Польши и СССР) и заключение ряда соглашений о ненападении между Западом и Востоком. Также велись разговоры о выводе всех иностранных войск из объединенной Германии, о создании демилитаризованной зоны в Центральной Европе и даже о западных гарантиях безопасности СССР⁵². Схожие комментарии и оценки содержались в указаниях МИД по поводу вероятной позиции западных держав на Берлинском совещании. Делался вывод, что западные державы могут предоставить СССР гарантии безопасности в обмен на прогресс в германском вопросе и признании Москвой ЕОС⁵³. Эти аналитические обзоры и отчеты были использованы в итоговом докладе Семенова и Пушкина Молотову 5 января 1954 г., в котором отмечались также западные спекуляции о том, что СССР может ответить на различные западные предложения своим собственным планом Европейской коллективной безопасности⁵⁴.

Первый проект договора о европейской коллективной безопасности был подготовлен МИД 22 декабря 1953 г. Основное положение проекта заключалось в том, что все европейские страны должны были подписать договор о коллективной безопасности, обязавшись оказывать помощь друг другу в случае агрессии⁵⁵. Однако на этой стадии СССР ограничивался идеей, что европейская безопасность завязана вокруг решения германской проблемы. Только затем, постепенно общеевропейская система коллективной безопасности стала главным пунктом советской политики на Берлинском совещании. Действительно, когда Молотов представил Маленкову и Хрущеву первый проект директив советской делегации 3 января 1954 г., в нем не было даже упоминания о европейской коллективной безопасности. Проект указаний определял цели СССР на совещании следующим образом: использовать разногласия между империалистическими державами, чтобы сорвать перевооружение Западной Германии и формирование ЕОС; усилить международные позиции СССР; ослабить международную напряженность, в том числе посредством проведения конференции пяти держав с участием Китайской народной республики; обсудить вопрос о заключении мирного договора с Германией и о создании демократического и миролюбивого германского государства.

Однако на следующий день Молотов направил Маленкову и Хрущеву дополнение к проекту, в котором уточнялось, что если нельзя будет прийти к соглашению по германскому вопросу, то советская делегация могла бы выдвинуть новое предложение по сохранению безопасности в Европе, направленное на противостояние западной пропаганде в пользу "нового Локарно". В этом дополнении было заявлено, что в ожидании подписания мирного договора с Германией оккупационные силы должны быть выведены из страны (однако союзники могли бы сохранить право вторжения в случае угрозы германской агрессии); германские вооружения должны быть ограничены; необходим договор о европейской коллективной безопасности.

⁵² О планах заключения "пакта о ненападении" между западными державами и СССР. – АВП РФ, ф. 0129, оп. 37, п. 266, д. 24, л. 135–143; Высказывания иностранных государственных деятелей по вопросу предоставления Советскому Союзу "гарантий безопасности". – Там же, л. 145–153; Обзоры прессы по США, октябрь – декабрь 1953 г. – Там же, п. 265, д. 17, л. 1–127.

⁵³ Обзор печати западных стран по вопросу о предстоящем совещании министров иностранных дел четырех держав. – АВП РФ, ф. 06, оп. 13-г, п. 65, д. 28, л. 13–24; Пресса западных стран о совещании министров иностранных дел четырех держав. – Там же, л. 25–51; Позиция Англии в связи с совещанием министров иностранных дел четырех держав в Берлине. – Там же, л. 62–64; Позиция США в связи с совещанием министров иностранных дел четырех держав в Берлине. – Там же, л. 83–85; Позиция Франции по вопросу о предстоящем совещании министров иностранных дел четырех держав. – Там же, л. 90–116.

⁵⁴ О проектах предоставления западными державами "гарантий" Советскому Союзу и другим европейским странам. – АВП РФ, ф. 082, оп. 42, п. 287, д. 35, л. 54–70.

⁵⁵ Основные принципы общеевропейской организации безопасности. – АВП РФ, ф. 06, оп. 13, п. 6, д. 42, л. 14–16.

Проект Молотова был рассмотрен Президиумом ЦК КПСС 7 января 1954 г. Мы не знаем, что происходило в ходе этого заседания, однако 12 января Громыко и Пушкин подготовили новый проект указаний, который Молотов представил Маленкову и Хрущеву на следующий день. В новом проекте был параграф, посвященный европейской коллективной безопасности, но в общем контексте детальных инструкций этот вопрос представляется в качестве второстепенного для советской политики. 15 января 1954 г. Президиум ЦК принял решение по проекту указаний. Нам не известен общий контекст этой резолюции, однако спустя два дня Громыко представил Молотову проект подробных предложений по договору о европейской коллективной безопасности. 20 января этот документ был представлен Маленкову и Хрущеву для утверждения, а затем, в тот же день, остальным членам Президиума ЦК для ознакомления⁵⁶.

До этих пор тактическая подготовка к Берлинскому совещанию концентрировалась на германской проблеме и МИД готовил большое количество документации с целью анализа позиции Запада по Германии и выработки мер по защите советской позиции в этом вопросе⁵⁷. Теперь же внимание переключилось на изучение возможных возражений Запада по договору о паневропейской коллективной безопасности⁵⁸.

БЕРЛИНСКОЕ СОВЕЩАНИЕ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ 25 ЯНВАРЯ – 18 ФЕВРАЛЯ 1954 г.

Совещание министров иностранных дел по предложению СССР прошло в Берлине. Была достигнута договоренность проводить заседания по очереди во всех четырех оккупационных секторах города. Главной темой был германский вопрос. На всех публичных заседаниях (их было 27) преобладала полемика пропагандистского толка. Конференция закончилась без достижения соглашения, за исключением общего обязательства продолжить дискуссии по разоружению и решения провести международную конференцию с участием коммунистического Китая по ситуации в Корее и войне в Индокитае.

Молотов прибыл на конференцию вместе с большой делегацией, состоящей из заместителей и советников, включая Громыко, Малика (ставшего к тому времени послом в Великобритании), Пушкина и Семенова (вернувшегося в Германию в качестве Верховного комиссара). "Советская делегация была бесспорно их лучшей командой", – отмечал С.Д. Джэксон, эксперт президента Д. Эйзенхауэра по психологической войне, сопровождавший Дж.Ф. Даллеса на конференции⁵⁹.

Дискуссии по германскому вопросу на конференции⁶⁰ во многом повторяли полемику между Востоком и Западом, которая велась в предшествующие месяцы. Западные державы требовали свободных общегерманских выборов в качестве предварительного условия переговоров по мирному договору, в то время как СССР настаивал

⁵⁶ Переписка Молотова с Хрущевым, Маленковым и Президиумом ЦК содержится в папке "Записки в ЦК КПСС: проекты директив для советской делегации к Берлинскому совещанию министров иностранных дел четырех держав" (АВП РФ, ф. 06, оп. 13, п. 5, д. 41). Проекты Громыко и Пушкина от 12 и 17 января 1954 г. – Проекты директив к Берлинскому совещанию. – Там же, д. 42.

⁵⁷ Англо-американский план "свободных выборов в Германии" от 12.01.1954 и 12.01.1954 г., Германский вопрос и вопрос европейской безопасности, 16.01.1954 г. – АВП РФ, ф. 082, оп. 42, п. 287, д. 34, л. 1–40, 41–52, 57–99. Справка о Боннском и Парижском договорах, 16.01.1954 г. – Там же, ф. 06, оп. 13-а, п. 35, д. 167, л. 15–41.

⁵⁸ Возможные аргументы против общеевропейского договора о коллективной безопасности в Европе и наши контраргументы. – АВП РФ, ф. 6, оп. 13-г, п. 65, д. 25, л. 1–5.

⁵⁹ Post-Berlin Thoughts on the Current Soviet Psyche. – Eisenhower Library, C.D. Jackson Papers, Box 50, Eisenhower Correspondence 1954 (2).

⁶⁰ Автор основывался на американских записях, содержащихся в "Foreign Relations of the United States" (далее – FRUS), 1952–1954, v. 5, p. 1. Washington (DC), 1983, p. 809–1205. В советском варианте: Стенограммы заседаний министров иностранных дел четырех держав. – АВП РФ, ф. 06, оп. 13-г, п. 63, д. 12; ф. 444, оп. 1, п. 1, д. 1-а, 3, 5.

на создании временного общегерманского правительства, которое должно было организовать выборы и в то же время вести переговоры по условиям мирного договора. Официально западные державы охарактеризовали выступление Молотова на конференции как догматическое, бескомпромиссное и в целом отрицательное, и многие историки ограничились принятием этого утверждения на веру. Однако беспристрастное прочтение источников свидетельствует о том, что Молотов демонстрировал достаточную гибкость и стремление к достижению соглашения. В первом выступлении в дискуссии Молотов сказал, что "мы собрались не для того, чтобы делать категорические заявления, а для того, чтобы выслушать друг друга и найти возможность договориться по тем вопросам, по которым можно договориться сегодня"⁶¹. В этом духе Молотов, отклонив западные утверждения о том, что предложения о создании временного правительства направлены на отмену общегерманских выборов, заявил, что можно было бы согласовать краткий план действий, ведущих к проведению выборов. Молотов отрицал тот факт, что целью СССР якобы является проведение выборов по образцу Восточной Германии, результатами которых можно было бы манипулировать, и указывал на послевоенный опыт в Европе, который демонстрировал, что не во всех случаях участие коммунистов в коалиционном правительстве вело к установлению народной демократии. Молотов даже предложил возможность проведения в Германии референдума, где народу был бы предоставлен выбор между присоединением к ЕОС и подписанием мирного договора. Также было выдвинуто новое советское предложение: оккупационные силы, за исключением сохранения символического присутствия, должны были быть выведены еще до выборов (то есть, процесс мог бы начаться до подписания мирного договора). Много раз Молотов повторял, что советские предложения открыты для подробного обсуждения и дополнений. В неформальной обстановке Молотов был настроен еще более дружелюбно и любезно. На обеде с Даллесом 6 февраля Молотов сказал, что "он думал, что существует возможность достижения некоторого прогресса по Германии... в плане Германии с небольшой армией и правительством, которое не было бы настроено ни против США, Франции и Великобритании, ни против СССР. Он задавался вопросом, была ли эта возможность полностью исключена". Позже в течение этой же беседы Молотов "повторил свою точку зрения, что создание Германии с небольшой армией и правительством, не направленным ни против одной из четырех держав, было бы возможной линией развития". Ближе к концу разговора Молотов высказался в том же духе снова, "но при этом от его слов создалось впечатление, что если подобное развитие исключено, то можно рассмотреть и другие варианты"⁶².

Молотов продемонстрировал сходную гибкость и в вопросе о мирном договоре с Австрией. Советское предложение по этой проблеме состояло в том, что мирный договор, завершающий союзную оккупацию и восстанавливающий независимость Австрии, мог бы быть подписан при соблюдении двух условий: во-первых, Австрия не будет вступать ни в какие военные блоки и коалиции и не позволит создавать иностранные военные базы на своей территории; во-вторых, окончательный вывод оккупационных войск будет отложен до момента подписания мирного договора с Германией. Второй пункт был направлен на предотвращение возможного "аншлюса", который объединил бы две страны. Однако советская сторона имела в виду сохранение символических оккупационных сил, которые в действительности не могли бы осуществлять оккупационные функции. Пункт о нейтралитете, на котором настаивал Молотов, был сходным с тем, что предлагалось и в отношении Германии, и оба требования были связаны между собой желанием держать обе страны вне рамок ЕОС. Но

⁶¹ *Молотов В.М.* Выступления на Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, Франции, Англии и США. М., 1954, с.23; АВП РФ, ф. 06, оп. 13-г, п. 63, д. 12, л. 27.

⁶² Memorandum of Conversation, February 6, 1954. – Eisenhower Library, Eisenhower Papers, Dulles-Herter Series, Box 2, file February 54 (1).

когда австрийский представитель заявил, что его правительство не хочет включения подобной статьи в договор, однако готово дать публичное обещание, Молотов дал понять, что этого будет вполне достаточно.

Следующий блок обсуждений на конференции был посвящен советскому предложению по общеевропейской системе коллективной безопасности, которое было внесено Молотовым 10 февраля⁶³. Западная реакция на советское предложение была предсказуемо враждебной, особенно когда Молотов дал понять, что предлагаемая система коллективной безопасности является прямой альтернативой ЕОС. Яблоком раздора в особенности явилось то, что, согласно условиям советского проекта договора, США являлись бы не членом новой организации коллективной безопасности, а всего лишь наблюдателем, наряду с коммунистическим Китаем. По мнению Джексона, это было грубой тактической ошибкой Молотова: "Затем настало время большой бомбы. США определенно были исключены из договора о коллективной безопасности... В этот момент мы стали смеяться вслух и русские были полностью застигнуты врасплох нашей реакцией. Молотов со второй попытки выдавил, наконец, улыбку, но русские упустили свой момент"⁶⁴. Этот пассаж часто цитируется в историографии. Однако без внимания остается то обстоятельство, что в последовавшей дискуссии Молотов согласился, что эта статья в советском проекте договора о коллективной безопасности может быть исправлена. Он отметил, что если идея коллективной безопасности неприемлема, то советское предложение потерпит неудачу. Если идея не отвергнута, но требуется иной проект или исправления к изначальному проекту – это уже другой вопрос⁶⁵.

На заседании 15 февраля Молотов специально высказался в отношении американского членства в организации европейской коллективной безопасности: "можно иначе сформулировать этот пункт, иначе определить особое положение США, или вовсе исключить данный пункт. Мы готовы обсудить такие предложения, которые устроили бы всех"⁶⁶.

На этом же заседании Молотов проявил уступчивость в отношении НАТО, заявив, что идея о том, что договор о европейской коллективной безопасности направлен против НАТО, является дезинформацией. Договор о европейской коллективной безопасности направлен против ЕОС и перевооружения Германии⁶⁷. Побуждаемый французским министром иностранных дел Ж. Бидо и британским министром иностранных дел А. Иденом, Молотов снова вернулся к проблеме НАТО на заседании 17 февраля: «Советская делегация может лишь повторить тот ответ на этот вопрос, который был дан на прошлом заседании. Проект "Общеевропейского договора" является альтернативой договора о "Европейском оборонительном сообществе"... Что касается того, совместим ли Североатлантический договор с "Общеевропейским договором", то нельзя забывать о том, что о Североатлантическом договоре имеются различные мнения. Г-н Иден не раз подчеркивал здесь, что с его точки зрения, этот договор имеет оборонительный характер. Об этом же говорил г-н Бидо. Но советское правительство оценивает существо Североатлантического договора иначе. Вот почему для того, чтобы исчерпывающим образом ответить на вопрос г-на Бидо, совместим ли Североатлантический договор с "Общеевропейским договором", четырем державам следует совместно изучить этот вопрос"⁶⁸. Молотов не исключил, что Североатлантический пакт может быть исправлен и тогда расхождения относительно характера договора будут устранены⁶⁹.

⁶³ The Soviet Union and the Safeguarding of European Security. – New Times, 20.II.1954, p. 3–8.

⁶⁴ Letter from C.D. Jackson dated February 10, 1954, – Eisenhower Library, C.D. Jackson Papers, Box 33, file Berlin Basics (1).

⁶⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 13-г, п. 63, д. 12, л. 250.

⁶⁶ Правда, 16.II.1954; АВП РФ, ф. 06, оп. 13-г, п. 63, д. 12, л. 501.

⁶⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 13-г, п. 63, д. 12, л. 504.

⁶⁸ Правда, 18.II.1954; АВП РФ, ф. 06, оп. 13-г, п. 63, д. 12, л. 548–549.

⁶⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 13-г, п. 63, д. 12, л. 548–549.

Высказывания Молотова относительно участия США в системе европейской коллективной безопасности и советского подхода к НАТО были полностью приведены в "Правде"⁷⁰. Эти заявления явились предвестием радикальной советской внешнеполитической инициативы: через несколько недель последовали предложения о присоединении СССР к НАТО.

Важным для советского предложения по коллективной безопасности было то, что дискуссия об общеевропейском договоре являлась составной частью процесса, ведущего к заключению мирного договора с Германией. Действительно, организация общеевропейской системы коллективной безопасности была бы важным контекстом, в котором могло бы состояться подписание этого договора и формирование единой Германии. Иными словами, не было бы ни ЕОС, ни перевооружения Германии, и мир был бы защищен коллективными гарантиями против агрессии. Как заявил Молотов в речи, посвященной предложениям по коллективной безопасности: "Создание системы коллективной безопасности в Европе не может и не должно в какой бы то ни было степени умалять значение необходимости скорейшего урегулирования германского вопроса в соответствии с требованиями поддержания мира в Европе. Более того, осуществление системы коллективной безопасности может содействовать созданию более благоприятных условий для урегулирования германского вопроса, поскольку она исключает вовлечение той или иной части Германии в военные группировки и устраняет, таким образом, одно из главнейших препятствий на пути создания единого миролюбивого и демократического германского государства"⁷¹.

Западные державы имели иное видение проблемы. Для них ЕОС было оборонительной организацией, а также способом к сдерживанию Германии и, одновременно, усилению западной обороны против советской угрозы. В отличие от Молотова, урок, который западные представители извлекли из предвоенной истории, заключался в том, что карательная политика только подстегнула бы германский национализм, и что разоруженная и нейтральная Германия нежизнеспособна в долгосрочной перспективе. Соответственно, гораздо лучше приручить Германию, чем включать ее в систему коллективной безопасности, как предлагает советская сторона. Следовательно, западные представители не выразили доверия в отношении советских предложений, как по германскому вопросу, так и по европейской коллективной безопасности: они рассматривали их как прикрытие для зловещих замыслов Кремля. В своем радио- и телеобращении к американской аудитории от 24 февраля Даллес описал советские намерения как создание контролируемой коммунистами Германии и контролируемой СССР Европы, из которой США были бы полностью удалены. Он высмеял предложение Молотова о коллективной безопасности, как "настолько нелепое, что когда он зачитывал его, смех звучал на западной стороне стола переговоров, приводя в уныние коммунистическую делегацию"⁷².

26 февраля в докладе Совету национальной безопасности Даллес был не менее едким, когда доказывал, что конференция показала невозможность нейтрализации Германии и Австрии, даже если бы это было желательно, поскольку СССР не согласился бы на меньшее, чем полный контроль над этими странами. Чего хотят Советы, говорил Даллес, так это раздела мира, при котором США были бы ограничены Западным полушарием, в то время как СССР доминировал бы в Евразии⁷³.

По возвращении из Берлина Молотов набросал проект указаний для советской прессы по освещению результатов совещания. Хотя эти инструкции были весьма кри-

⁷⁰ Правда, 11.II.1954; 16.II.1954; 18.II.1954.

⁷¹ Молотов В.М. Указ. соч., с. 107; The Soviet Union and the Safeguarding of European Security. – New Times, 20.II.1954, p. 6.

⁷² Report on Berlin: Address by Secretary Dulles. – Department of State Bulletin, 8.III.1954, p. 343–344.

⁷³ Memorandum of Discussion at the 186th Meeting of the National Security Council, Friday, February 26, 1954. – FRUS, 1952–1954, v. 5, p. 1, p. 1221–1231.

тичными в отношении западных держав, обвиняя их в разделении Германии и возрождении германского милитаризма, прессе также рекомендовалось выдвинуть на первый план роль конференции в уменьшении международной напряженности. "Советская печать, – говорилось в документе, – должна действовать аргументированно, но умеренно, давая отпор буржуазным нападкам на политику СССР"⁷⁴.

В начале марта Молотов представил отчет о совещании на очередном пленуме ЦК КПСС. В его докладе сильно критиковалась политика Запада, однако Молотов видел надежду в росте народной оппозиции ЕОС в Западной Европе, особенно во Франции и Западной Германии. Ни в коем случае не отказываясь от своих предложений по коллективной безопасности в свете резкого отпора со стороны Запада, советская сторона рассматривала Берлинское совещание как площадку для запуска политической и дипломатической кампании, продвигающей их альтернативное видение европейской безопасности. Главной целью этой кампании должна была стать Франция, которой приходилось ратифицировать парижско-боннские соглашения и которая была глубоко обеспокоена ремилитаризацией Германии. Таким образом, как заключал Молотов, хотя договоренность о проведении пятисторонней конференции по проблемам Дальнего Востока была важной и совещание представителей великих держав после пятилетнего перерыва само по себе было важным, "результаты Берлинского совещания, конечно же, не стоит переоценивать"⁷⁵.

Доклад Молотова был опубликован в "Правде" от 5 марта, однако в этом варианте опускался следующий фрагмент: "Необходимо специально отметить, что наше правительство и Центральный комитет коммунистической партии придавали большую важность подготовке советской делегации к совещанию. В результате, как вы знаете из нашей прессы, советская делегация прибыла на Берлинское совещание не с пустыми руками. Все темы, все решения Берлинского совещания были затронуты в ходе нескольких обсуждений в Президиуме ЦК перед совещанием. Проекты Министерства иностранных дел детально обсуждались и были улучшены и дополнены в ходе этого обсуждения. Это говорит о значении и силе коллективного руководства, которое было упрочено в нашем центральном комитете в последнее время. Мы прибыли в Берлин с ясной программой и детальными инструкциями. Перед нашим Президиумом ЦК стояла фундаментальная задача изобретения мер, которые могли бы помочь уменьшению напряженности в международных отношениях и, одновременно, дальнейшему укреплению международных позиций Советского Союза. Такова неизменная политика Советского правительства, направленная на сохранение мира"⁷⁶.

Возможно, Молотов таким образом отдавал дань традиционной постсталинской риторике о достоинствах коллективного руководства, однако, может быть, он также пытался свести к нулю возможную критику в отношении его стратегии и тактики на конференции. В Берлине он упорно пытался достичь соглашения с Западом и в этих попытках, возможно, выходил за рамки полученных им инструкций. Как отмечал после конференции госсекретарь США Даллес, "Молотов говорил с явным осознанием собственной власти. Советский министр иностранных дел более не выступал как простой подчиненный, как во времена Сталина. Он казался сравнительно свободным, по крайней мере, в принятии собственных решений при минимальном обращении к Москве за инструкциями"⁷⁷.

⁷⁴ Указания для советской печати и радио в связи с итогами Берлинского совещания и подготовкой женевской конференции. – АВП РФ, ф. 06, оп. 13, п. 6, д. 45.

⁷⁵ The Berlin Conference. – New Times, 6.III.1954, p. 3–14. Проекты доклада Молотова см.: АВП РФ, ф. 06, оп. 13, п. 6, д. 46.

⁷⁶ Цит. в обратном переводе с английского языка. Оригинал на русском языке. – РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 77, л. 28–29.

⁷⁷ FRUS, 1952–1954, v. 5, p. 1, p. 1221. В документе от 26 февраля 1954 г. Даллес характеризовал Молотова как "очень умного и ловкого на протяжении всей встречи. Молотов один из самых проницательных и коварных дипломатов этого века или даже любого века". – FRUS, 1952–1954, v. 5, p. 1, p. 1223–1224.

Когда Молотов завершил свой доклад на пленуме, Маленков вступил в дискуссию, чтобы придать более позитивный характер оценке итогов конференции, сказав, что она привела к усилению международных позиций Советского Союза и нанесла "действенный удар" по планам ЕОС. Маленков добавил, что пленум должен признать, что Молотов соответствовал порученным ему задачам и советская делегация на Берлинском совещании была на высоте. Это замечание было встречено "бурными и продолжительными аплодисментами". Затем Маленков, от имени Президиума, выступил с предложением об одобрении деятельности советской делегации на Берлинском совещании. Хрущев, председательствовавший на заседании, ничего не добавил, а сразу предложил проголосовать за резолюцию (была принята единогласно), а затем объявил о закрытии пленума⁷⁸.

В ходе Берлинского совещания советская сторона отслеживала освещение своих предложений в западной прессе, которая проявила большой интерес к предложению по европейской коллективной безопасности⁷⁹. Сразу по возвращении в Москву Молотов занялся вопросами, относящимися к участию США в европейской коллективной безопасности и советскому подходу к НАТО. Группе сотрудников МИД было поручено сформулировать новую политику в этом вопросе и они выступили с предложением о том, что США должны быть полноправным членом организации европейской коллективной безопасности, а СССР должен вступить в НАТО. В проекте записки в Президиум ЦК КПСС от 10 марта 1954 г., в которой рекомендовалась данная политическая линия, Молотов обращал внимание на то, что: "Участие США в общеевропейском соглашении... не означало бы, что позиция США была бы сопоставима с позицией европейских государств, принимая во внимание, что было бы недопустимо для американских войск оставаться в Европе после решения германского вопроса... [и]... в результате присоединения СССР к Североатлантическому альянсу, произошли бы фундаментальные изменения в его характере, и он бы разрушился как агрессивный альянс, направленный против СССР"⁸⁰.

Эти внутренние размышления и движение в направлении более гибкой позиции в отношении США и НАТО имели отклик в ходе мартовской кампании 1954 г. по выборам в Верховный Совет СССР. В предвыборных речах и Маленков и Молотов подчеркивали важность борьбы за европейскую коллективную безопасность. Маленков был особенно решителен: «За последнее время агрессивные круги все более открыто проводят политику... раскола Европы, натравливание одной части европейских государств на другую. Но этой линии противостоит крепнущая солидарность европейских народов в деле борьбы против губительной политики раскола, в деле защиты мира и прогресса... Неправда, что человечеству остается выбирать лишь между двумя возможностями: либо новая мировая бойня, либо так называемая холодная война. Народы кровно заинтересованы в прочном укреплении мира. Советское правительство стоит за дальнейшее ослабление международной напряженности, за прочный и длительный мир, решительно выступает против политики "холодной войны", ибо эта политика есть политика подготовки новой мировой бойни, которая при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации... главным препятствием на пути к дальнейшему ослаблению международной напряженности является то, что западные державы подходят к решению важных международных вопросов как замкнутая военная группировка, которая ставит превыше всего агрессивные военно-стратегические соображения. Только этим можно объяснить отношение, проявленное западными державами к предложению о заключении Общеевропейского договора о

⁷⁸ РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 77, л. 79–80.

⁷⁹ Обзор № 4 откликов прессы западных держав о совещании министров иностранных дел СССР, Франции, Англии и США. – АВП РФ, ф. 082, оп. 42, п. 287, д. 35, л. 34–47.

⁸⁰ Текст приводится в обратном переводе с английского языка, см.: Очерки истории министерства иностранных дел России, т. 2. М., 2002, с. 350–351.

коллективной безопасности в Европе... Можно не сомневаться, что при наличии действительного стремления к обеспечению безопасности в Европе, представилось бы возможным преодолеть препятствия к заключению Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе»⁸¹.

Молотов в своей речи дал отпор критике в отношении предложенного СССР договора, в плане того, что в нем США не были включены в предлагаемую организацию коллективной безопасности, подчеркнув, что "в ходе Берлинского совещания не отрицалась возможность рассмотрения соответствующих поправок к представленному проекту". Как утверждал Молотов, «Советский проект "Общеввропейского договора" ... несовместим с попытками создания военных группировок европейских государств, ведущими к новой войне в Европе. Этот проект является средством сплочения народов Европы в интересах укрепления мира и международной безопасности»⁸².

В своей предвыборной речи Хрущев отметил, что на Берлинском совещании "делегация Советского Союза выдвинула конкретные предложения, направленные на ослабление напряженности в международных отношениях", но он не уточнил, в чем они состояли. Главной международной темой его выступления было растущее значение социалистического лагеря. Речь Хрущева завершалась так: "как могучий исполин Советская держава, в братском сотрудничестве со странами народной демократии, уверенно идет вперед к великой цели, одерживая одну победу за другой. Нет в мире таких сил, которые могли бы приостановить наше победоносное движение к коммунизму"⁸³.

Открытость Москвы к дальнейшим переговорам с Западом была подхвачена советской прессой. В статье в "Новом времени" цитировались предвыборные речи Молотова и Маленкова и доказывалось, что «вывод о том, что общеввропейская система коллективной безопасности "несовместима" с Атлантическим союзом, является чистым продуктом западной пропаганды»⁸⁴.

В конце марта 1954 г. советское правительство выступило с новой нотой по коллективной безопасности, в которой содержались два новых пункта по сравнению с проектом договора, предложенным на Берлинском совещании. Во-первых, США не исключались из числа формальных участников системы коллективной безопасности в Европе. Во-вторых, если НАТО утратит свой агрессивный характер, СССР мог бы рассмотреть вопрос о своем участии в этой организации. В подобных обстоятельствах, как заключалось в тексте ноты, НАТО "перестала бы быть закрытым военным объединением государств и стала бы открытой для прочих европейских государств, что, вместе с созданием эффективной системы европейской коллективной безопасности, имело бы огромную важность для содействия миру во всем мире"⁸⁵.

7 мая 1954 г. западные державы отвергли советское предложение о вступлении в НАТО на том основании, что участие СССР в НАТО было бы несовместимым с целями этой организации⁸⁶.

Это был не первый и не последний случай, когда СССР заявлял, что если НАТО является оборонительным союзом, то он хотел бы присоединиться к нему. На совещании заместителей министров иностранных дел в 1951 г. Громыко говорил, что если НАТО направлен против германской агрессии, СССР хотел бы стать его членом. Это

⁸¹ Правда, 13.III.1954.

⁸² Правда, 12.III.1954.

⁸³ Правда, 7.III.1954. В 1955 г. на январском пленуме ЦК Молотов подвергся нападкам за допущенные им в предвыборной речи "пораженческие" утверждения о том, что ядерная война приведет к разрушению человеческой цивилизации, включая и лагерь социализма. Однако за день до произнесения этой речи Маленков послал ее копию Хрущеву. Хрущев подписался под текстом, который был затем напечатан в газетах и издан в виде брошюры. – РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 15, л. 116, 156–163.

⁸⁴ New Times, 20.III.1954, p. 3–7.

⁸⁵ Note of the Soviet Government, 31.III.1954. – New Times, 3.IV.1954.

⁸⁶ US Rejects Soviet Proposals for European Security. Text of US Note. – Department of State Bulletin, 17.V.1954, p. 756–757.

высказывание было опубликовано в "Правде"⁸⁷. В августе 1952 г. Сталин пошутил в разговоре с французским послом, что если НАТО – миролюбивый союз, то тогда Советскому Союзу следовало бы присоединиться к нему⁸⁸.

Само-собой, Сталин и Громыко таким образом стремились "набрать очки" в пропагандистских целях и мартовская нота 1954 г. также имела пропагандистскую направленность. Но это было также серьезным предложением, разработанным для того, чтобы сделать идею коллективной безопасности более приемлемой для Запада и открыть путь к переговорам, ведущим к общеевропейской разрядке. В действительности, двойное предложение об участии США в европейской безопасности, с одной стороны, и советском участии в НАТО – с другой, было одним из множества подобных шагов в сторону компромисса с Западом. Эта склонность к поиску столь радикального и всестороннего урегулирования с Западом была подкреплена позитивным воздействием, которое произвела на западную общественность переформулировка советской позиции по Европейской коллективной безопасности⁸⁹.

Параллельно с продолжением кампании по коллективной безопасности советское руководство размышляло о том, что можно предпринять в германском вопросе. Поскольку в тот момент переговоры с Западом были заблокированы, внимание Москвы сосредоточилось на мерах по усилению позиций ГДР. В записке Молотову от 27 февраля 1954 г. Пушкин и Семенов делали различные предложения, чтобы повысить статус и авторитет правительства ГДР⁹⁰. Многие из их предложений нашли свое публичное выражение в советском заявлении об отношениях с ГДР, появившемся 26 марта 1954 г. В нем провозглашалось, что отношения Советского Союза с ГДР впредь будут такими же как и с остальными независимыми государствами, и что восточногерманское правительство будет свободно в определении своей внутренней и внешней политики. С этой целью советский надзор в органах власти ГДР был отменен, а роль Советского Верховного комиссара по Германии – главы оккупационных властей в Восточной Германии существенно уменьшилась⁹¹.

Подобные мероприятия отражали тенденцию в Советской политике по укреплению позиций ГДР как отдельного германского государства, однако другим приоритетом МИД оставалась борьба за объединение Германии в приемлемой форме. В комментарии к мартовскому 1954 г. политическому заявлению Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) "Принципы для воссоединения Германии в мирное, демократическое независимое государство" Пушкин и Семенов говорили, что "документ требует серьезного исправления, поскольку в нем не был сделан необходимый акцент на борьбу против парижско-боннских соглашений и упускался призыв к долгу Западногерманского правительства по заключению мирного договора, который привел бы к воссоединению Германии"⁹². Семенов и Пушкин предлагали провести в Германии референдум по вопросу: мирный договор против парижско-боннских договоренностей. Эта идея впервые была высказана Молотовым на Берлинском совещании. В июне 1954 г. официальный, контролируемый властями референдум был проведен в ГДР. Неудивительно, что предложение по мирному договору, согласно официальным данным, получило подавляющую поддержку населения Восточной Германии. Неофици-

⁸⁷ Справка об отношении Советского Союза к Североатлантическому пакту. – АВП РФ, ф. 082, оп. 42, п. 284, д. 14, л. 3–5.

⁸⁸ *Егорова Н.И.* НАТО и европейская безопасность: восприятие советского руководства. – Сталин и холодная война. М., 1998, с. 310.

⁸⁹ Отношение в Западной Германии к итогам Берлинского совещания, 16.06.1954 г. – АВП РФ, ф. 082, оп. 42, п. 287, д. 35, л. 172–193.

⁹⁰ О мероприятиях в отношении Германии в связи с Берлинским совещанием. – АВП РФ, ф. 06, оп. 36, п. 36, д. 169, л. 1–3.

⁹¹ Statement of the Soviet Government on Relations Between the Soviet Union and the German Democratic Republics. – New Times, 27.III.1954, p. 1.

⁹² АВП РФ, ф. 06, оп. 13-а, п. 35, д. 165, л. 44–45.

циальный референдум в Западной Германии по тому же вопросу привел к схожему результату: около 90% – в пользу мирного договора, однако в ФРГ голосовали только 500 тыс. чел.⁹³

Примером позиции МИД СССР по германскому вопросу была памятная записка Грибанова от 16 июля 1954 г. Автор писал Молотову, что, несмотря на то, что СССР должен придерживаться позиции, изложенной на Берлинском совещании (временное общегерманское правительство, переговоры по мирному договору, вывод оккупационных войск и т.д.), если по этим предложениям не удастся добиться прогресса, СССР должен попробовать достичь договоренности с Западом по некоторым другим вопросам, включая временный вывод оккупационных войск к границам Германии; организацию общегерманского совещания по экономическим и культурным связям между двумя германскими государствами; проведение общеберлинских выборов⁹⁴.

Эти идеи не были воплощены на практике, однако они показывают, как отмечает Ф.И. Новик, что после Берлинского совещания советская дипломатия продолжала искать пути достижения соглашения с Западом, если не по основным проблемам объединения Германии, то хотя бы по другим вопросам, в которых можно было достичь скорее восстановления отношений, нежели дальнейшего размежевания двух германских государств⁹⁵.

В тот же день Грибанов составил еще один документ – анализ влияния советских предложений по европейской коллективной безопасности на западную политику в германском вопросе. Основной посылкой Грибанова было то, что советские предложения оставались в центре общественного внимания на Западе, особенно после появления мартовской ноты, предлагавшей вступление СССР в НАТО. Согласно Грибанову, советские предложения имели существенное влияние на рост движения против ратификации парижско-боннских соглашений, особенно во Франции⁹⁶. Летом 1954 г. перспективы провала проекта ЕОС привлекали внимание Москвы гораздо больше, чем германский вопрос, поскольку это предоставляло возможность вернуть дипломатическое измерение кампании в пользу европейской коллективной безопасности.

ОТ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ К ВАРШАВСКОМУ ДОГОВОРУ

Выдвижение новой советской инициативы по коллективной безопасности было обусловлено успехом Женевской конференции, на которой были подписаны соглашения, положившие конец войне в Индокитае⁹⁷. Конференция завершилась 21 июля 1954 г. и уже на следующий день Москва выступила с заявлением, подчеркивавшим важность уроков конференции для других международных переговоров: "Тот факт, что Женевская конференция завершилась соглашением заинтересованных государств, является новым доказательством плодотворности международных переговоров, учитывая добрую волю сторон, доказательством того, что основные международные вопросы могут быть решены с помощью этого метода... Результаты Женевской конференции подтверждают уверенность Советского правительства в том, что сейчас не существует таких спорных вопросов в международных отношениях, которые не могли бы быть урегулированы путем переговоров и соглашений, направленных на обеспечение международной безопасности, ослабление международной напряженности и мирное сосуществование государств, независимо от их социальных систем"⁹⁸.

⁹³ Новик Ф.И. Указ. соч., с.129–138.

⁹⁴ Германский вопрос. – АВП РФ, ф. 06, оп. 36, п. 36, д. 169, л. 6–9.

⁹⁵ Новик Ф.И. Указ. соч., с. 148.

⁹⁶ Советские предложения об обеспечении коллективной безопасности в Европе и их влияние на политику западных держав в германском вопросе. – АВП РФ, ф. 082, оп. 42, п. 284, д. 14, л. 34–62.

⁹⁷ Gaiduk I.V. *Confronting Vietnam: Soviet Policy toward the Indochina Conflict, 1954–1963*. Washington (DC), 2003; Olsen M. *Soviet-Vietnam Relations and the Role of China, 1949–1964*. London, 2006.

⁹⁸ Statement of the Soviet Government on the Geneva Conference. – *New Times*, 24.VII.1954, p. 2.

24 июля 1954 г. советская сторона опубликовала ответ на западную ноту от 7 мая 1954 г. В советской ноте содержались два новых предложения. Первое – то, что проект договора о Европейской коллективной безопасности должен быть расширен и включать статьи не только о политическом, но и об экономическом сотрудничестве. Второе – что нужно провести конференцию для обсуждения организации системы коллективной безопасности в Европе. США, наряду со всеми европейскими государствами, должны были быть ее участниками, а коммунистическому Китаю было бы предложено прислать наблюдателей⁹⁹.

30 августа 1954 г. французская Национальная ассамблея значительным большинством отвергла план ЕОС. В заявлении, опубликованном 10 сентября 1954 г., СССР приветствовал "крах этого планировавшегося военного блока" и повторял "предложения по системе Европейской коллективной безопасности, организация которой облегчила бы объединение Германии в качестве мирного и демократического государства"¹⁰⁰. Однако в тот же день западные державы опубликовали свой ответ на советскую ноту от 24 июля 1954 г. В ноте западных держав снова заявлялись требования общегерманских выборов и немедленного заключения мирного договора с Австрией, однако предполагалась и возможность совещания министров иностранных дел по европейской безопасности, если эти вопросы могли быть решены. К тому времени как СССР опубликовал ответную ноту – 23 октября 1954 г. – лондонско-парижские соглашения о прямом приеме Западной Германии в НАТО, ставшие альтернативой провалившемуся проекту ЕОС, уже находились в процессе заключения.

Москва ответила на такое развитие событий предупреждением, что "если эти решения будут выполнены, Западную Германию нельзя больше будет рассматривать как мирное государство, и это сделает воссоединение Германии невозможным в течение длительного времени". Советская нота завершалась согласием с идеей проведения совещания министров иностранных дел, если оно будет рассматривать такие вопросы, как: общегерманские выборы, ведущие к воссоединению Германии в качестве мирного и демократического государства; вывод оккупационных сил из Германии; проведение общеевропейской конференции по коллективной безопасности¹⁰¹.

Столкнувшись с отсутствием какого-либо прогресса в обсуждении своих предложений по европейской коллективной безопасности, советская сторона решила проявить инициативу в одностороннем порядке. 13 ноября 1954 г. была опубликована советская нота о том, что конференция будет проведена в Москве (или в Париже, если западные страны согласятся в ней участвовать) 29 ноября 1954 г.¹⁰²

Приглашения присутствовать на конференции были направлены США и всем европейским странам, однако западные державы отказались от участия на том основании, что советские предложения не содержат ничего нового ни по германскому вопросу, ни по европейской безопасности. Западная нота от 29 ноября 1954 г. выдвигала контрпредложение о немедленном подписании мирного договора с Австрией и прояснении позиции СССР по общегерманским выборам до проведения следующей конференции министров иностранных дел. В случае успеха этой конференции можно было бы созвать более широкое совещание по европейской безопасности¹⁰³. Другими словами, так как это касалось западных держав, не могло быть и речи о коллективной безопасности до решения германского вопроса.

"Совещание европейских стран по сохранению мира и безопасности в Европе" с участием СССР и его союзников по восточному блоку прошло в Москве с 29 ноября

⁹⁹ Note of the Soviet Government of July 24, 1954. – New Times, 31.VII.1954, p. 4–8.

¹⁰⁰ Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. – New Times, 11.IX.1954, p. 2–5.

¹⁰¹ Note of the Soviet Government to the Government of France, Great Britain and the USA. – New Times, 30.X.1954, p. 3–8.

¹⁰² Note of the Soviet Government to the Governments of Europe and the USA. – New Times, 20.XI.1954, p. 2–4.

¹⁰³ АВП РФ, ф. 69, оп. 46, п. 155, д. 15, л. 64–68.

по 2 декабря 1954 г. Оно представило все известные советские доводы против ЕОС, НАТО и перевооружения Западной Германии и в поддержку общеевропейской коллективной безопасности. Однако на нем была поднята еще одна новая тема, заявленная Молотовым в его речи на конференции: "Миролюбивые страны не могут не замечать того, что агрессивные элементы в ряде западных стран стремятся предотвратить создание системы коллективной европейской безопасности. Они теперь удваивают свои усилия по созданию военных объединений, представляющих опасность для мира... Поэтому мы не можем игнорировать или недооценивать того факта, что ратификация Парижских соглашений повлечет необходимость принятия новых весомых мер с целью обеспечения надлежащей защиты миролюбивых государств". Этот пункт был повторен в коммюнике, изданном по итогам совещания: "если эти военные альянсы в Европе будут наращивать свои наземные, воздушные и прочие силы... прочие европейские государства неизбежно будут вынуждены принять эффективные меры для самообороны, чтобы защитить себя от нападения"¹⁰⁴.

Непосредственно после совещания в МИД СССР началась работа над новым набором политических установок по германскому вопросу и европейской безопасности. Уже в день окончания конференции Семенов представил Молотову серию предложений о "дальнейших мероприятиях СССР, связанных с ратификацией Парижских соглашений". Основное предложение Семенова состояло в проведении второй конференции по европейской безопасности с целью заключения договора о коллективной обороне, включая создание объединенного военного командования восточного блока. С этим было связано и предложение о подписании двустороннего договора об обороне между ГДР и СССР, а также между Восточной Германией и другими "народными демократиями"¹⁰⁵.

В течение декабря 1954 г. и января 1955 г. министерство работало над этими предложениями.¹⁰⁶ 25 февраля 1955 г. Молотов направил проект в Президиум ЦК вместе с запиской, в которой предлагалось проведение второй советско-восточноевропейской конференции по европейской коллективной безопасности. Среди предложений в проекте МИД содержалась статья договора, учреждавшая объединенное военное командование – условие, в дальнейшем разработанное Молотовым и министром обороны СССР Г.К. Жуковым в марте–апреле 1955 г.

Хотя Восточная Германия должна была стать участником договора, вопрос о ее участии в объединенном военном командовании был пока отложен. В записке в Президиум ЦК от 9 мая 1955 г. Молотов писал, что было бы целесообразно для правительства ГДР заявить, что будущая объединенная Германия не будет связана многосторонним пактом о взаимопомощи¹⁰⁷.

Публично Молотов обозначил свои намерения в заявлении от 15 января 1955 г. по германскому вопросу: "Если парижские соглашения будут ратифицированы, создается новая ситуация, в которой Советский Союз предпримет меры не только для укрепления дружественных связей с Германской демократической республикой, но также, посредством объединенных усилий миролюбивых европейских государств, для укрепления мира и безопасности в Европе"¹⁰⁸.

В речи перед Верховным Советом СССР от 8 февраля 1955 г. Молотов сказал: "Советский Союз и другие миролюбивые государства, против которых направлены Парижские соглашения, не будут сидеть сложа руки. Им придется принять соответствующие меры для более эффективной защиты своей безопасности и защиты мира в Ев-

¹⁰⁴ Conference of European Countries on Safeguarding European Peace and Security, Moscow, November 29–December 2, 1954. – New Times, 4.XII.1954, p. 15, 69; АВП РФ, ф. 446, оп. 1, п. 1, д. 1.

¹⁰⁵ Предложения о дальнейших мероприятиях СССР, связанных с ратификацией Парижских соглашений. – АВП РФ, ф. 06, оп. 13, п. 27, д. 27, л. 2–4.

¹⁰⁶ Там же, оп. 14, п. 13, д. 183.

¹⁰⁷ См.: Быстрова Н.Е. Указ. соч., с. 471–477.

¹⁰⁸ Statement of the Soviet Government on the German Question. – New Times, 22.I.1955, p. 5.

ропе... Эти меры в первую очередь включают... договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи... Поэтому, чтобы не терять времени, консультации по этому вопросу уже ведутся. На новые военные союзы и блоки, создающиеся в соединении с германским милитаризмом, мы ответим дальнейшим укреплением наших рядов, укреплением наших уз дружбы, развивая наше сотрудничество в целом и там, где это необходимо, расширяя возможности нашей взаимопомощи"¹⁰⁹.

Второе "Совещание европейских стран по сохранению мира и безопасности в Европе" было проведено в Варшаве 11–14 мая 1955 г. Оно завершилось подписанием многостороннего Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи – пакта, который озаменил образование Организации Варшавского договора (ОВД). Главной причиной создания Варшавского пакта было то, что ратификация Боннским парламентом парижско-лондонских соглашений в феврале–марте 1955 г. создала ситуацию, которая требовала новых мер для противостояния угрозе возрождения германского милитаризма. Но даже в этом случае путь к мирному урегулированию германского вопроса не был закрыт и проект Европейской коллективной безопасности также не был полностью оставлен. Главную речь на конференции произнес Булганин, сменивший Маленкова на посту главы правительства¹¹⁰. Он сказал, что Советский Союз был "готов оказать всевозможную помощь восстановлению единства Германии и заключению мирного договора с Германией на приемлемой основе". Он также повторил советское предложение о выводе оккупационных сил из Германии и отметил, что "Советское правительство продолжает придерживаться точки зрения о том, что... лучший путь для сохранения мира и предотвращения новой агрессии... заключается в организации системы коллективной безопасности с участием всех европейских стран, вне зависимости от их социального устройства... Ратификация Парижских соглашений сделала разрешение этой проблемы более трудным, но не сняла его с повестки дня"¹¹¹.

ОВД часто рассматривается как советский противовес НАТО, но его действительным смыслом была кампания по созданию Европейской коллективной безопасности; его назначение было скорее политическим, чем военным: показать пример общеевропейской коллективной безопасности. Как говорилось в заключительной статье Варшавского договора: "в случае создания в Европе системы коллективной безопасности... настоящий договор утрачивает свою силу со дня вступления в действие общеевропейского договора"¹¹².

Несмотря на препятствие, каковым стало вступление ФРГ в НАТО, Москва сохраняла оптимизм относительно шансов удачной кампании за европейскую коллективную безопасность, не в последнюю очередь потому, что имелись некоторые позитивные моменты, в особенности – неизбежное подписание соглашения между СССР и Западом о воссоединении Австрии.

Противоречия в отношениях между СССР и Западом, связанные с договором, который должен был подвести черту под союзнической оккупацией Австрии, были устранены Молотовым в речи в феврале 1955 г. на заседании Верховного Совета СССР. Годом раньше, на Берлинском совещании, Молотов выделил два условия подписания австрийского договора: гарантия нейтралитета и сохранение символического советского оккупационного контингента до подписания мирного договора с Германией. Цель выдвижения этих условий состояла в том, чтобы защититься от возможности нового "аншлюса" и оказать дополнительное давление на Запад в переговорах по мирному договору с Германией. В речи перед Верховным Советом СССР Молотов изме-

¹⁰⁹ *Molotov V.M. The International Situation and the Foreign Policy of the Soviet Government. – New Times, 12.II.1955, p. 21.*

¹¹⁰ Маленков был смещен на январском пленуме ЦК в 1955 г.

¹¹¹ Речь Булганина и другие документы см.: *Conference of European Countries on Safeguarding European Peace and Security, Warsaw, 11–14.V.1955. – New Times, 21.V.1955, p. 5–70; АВП РФ, ф. 06, оп. 14-г, п. 69, д. 1.*

¹¹² Организация Варшавского Договора. Документы и материалы. 1955–1985. М., 1986, с. 9–13.

нил позицию, сказав, что в случае получения гарантий недопущения нового "аншлюса", все войска могут быть выведены еще до подписания мирного договора с Германией. Но Молотов также призвал к конференции с участием СССР и стран Запада, посвященной как австрийскому, так и германскому вопросам, таким образом сохранив взаимосвязь между двумя будущими договорами¹¹³. Однако несколькими днями позже австрийский посол в Москве Н. Бишоф намекнул Семенову, что возможны двусторонние переговоры с СССР по вопросу о договоре¹¹⁴. Молотов получил от Президиума ЦК поручение использовать эту возможность.

25 февраля 1955 г. Молотов в беседе с Бишофом указал на то, что его речь в Верховном Совете о выводе войск из Австрии до заключения мирного договора с Германией является новой позицией СССР, которая также подразумевает возможность новых переговоров¹¹⁵. Последовали дипломатические переговоры, которые проложили путь в Москву австрийской правительственной делегации во главе с канцлером Ю. Рабом. Результатом визита Раба в Москву в середине апреля 1955 г. стало совместное коммюнике, в котором Австрия обязалась сохранять вечный нейтралитет, а СССР соглашался вывести свои оккупационные войска из Австрии к 31 декабря 1955 г.¹¹⁶

В Вене начались переговоры четырех держав и 15 мая 1955 г. Австрийский государственный договор был подписан. В своей речи на церемонии подписания Молотов заявил, что "заключение Австрийского государственного договора будет способствовать ослаблению международной напряженности и в этом заключается его особая важность"¹¹⁷.

Обычно утверждается, что Молотов был против ухода советских войск из Австрии, что его заставили пойти на это другие представители советского руководства, благожелательно относившиеся к инициативе, которая могла бы улучшить перспективы разрядки между Западом и Востоком. Возникновение этой легенды может быть отнесено к июльскому пленуму ЦК 1955 г.¹¹⁸ На этом пленуме развернулась широкая дискуссия по советско-югославским отношениям, которая концентрировалась вокруг оппозиции со стороны Молотова восстановлению межпартийных отношений с югославскими коммунистами. Молотов не возражал против восстановления политических и дипломатических отношений с Югославией, однако он не соглашался с полным отказом от прежней советской критики Тито как отступника от идей марксизма-ленинизма (критика, которую Молотов вместе со Сталиным сформулировал и озвучил). На пленуме Молотов был подвергнут критике за эту позицию, которую он отстаивал в ходе дискуссий в Президиуме ЦК в предшествующие месяцы¹¹⁹; причем эта критика была включена в формальную резолюцию, которую принял пленум. В своей речи, открывающей пленум, Хрущев сосредоточился на югославском вопросе и не упоминал австрийский. Однако выступавшим сразу после того, как Молотов дал свой первый ответ, был Булганин, который расширил нападки на Молотова, включив его прочие внешнеполитические просчеты, в том числе и в отношении Австрии. Замечания Булганина были подхвачены Микояном, который детально разъяснил, как Молотов сопротивлялся изменению политики на австрийском направлении. Прочие выступавшие также упоминали ошибочную позицию Молотова в австрийском вопросе. В своей за-

¹¹³ New Times, 12.II.1955, p. 23.

¹¹⁴ *Filitov A.* The Post-Stalin Succession Struggle..., p. 140.

¹¹⁵ *Steininger R.* 1955: The Austrian State Treaty and the German Question. – *Diplomacy & Statecraft*, v. 3, 1992, № 3, p. 500.

¹¹⁶ *Soviet-Austrian Communiqué.* – *New Times*, 23.IV.1955, p. 2.

¹¹⁷ Statement by V.M. Molotov at the Signing of the Austrian State Treaty, 15.V.1955. – *New Times*, 28.V.1955, p. 4.

¹¹⁸ Пленум ЦК КПСС, июль 1955 г. Стенографический отчет, вып. 2. – РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 143, л. 151–200.

¹¹⁹ О противостоянии Молотова с Президиумом ЦК по югославскому вопросу см. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964, т. 1. М., 2004, с. 41–54.

ключительной речи Хрущев посвятил значительную часть австрийскому вопросу. Основной смысл слов Хрущева заключался в том, что Молотов мешал заключению договора по Австрии и был серьезно настроен на сохранение присутствия советских войск в Австрии.

Реакция Молотова на эти нападки была и покаянной и вызывающей одновременно. В своем первом ответе на речь Хрущева он защищал предшествующую политику в отношении Югославии как вполне законную критику националистических отклонений со стороны Тито и указывал, что недавно Белград принял внешнеполитическую программу, весьма отличающуюся от советской. Однако в конце дискуссии Молотов несколько отступил: он признался "в грехе оппозиции" в отношении югославского вопроса и заверял в своей вечной верности партии и ее руководству. В отношении австрийского вопроса он заявил, что никогда не сомневался в том, что этот вопрос должен быть решен. Молотов ссылаясь на то, что МИД, возможно, промедлил с изменением позиции по указанным вопросам. Касательно своих возражений по отдельным пунктам, он говорил, что они не были существенными. Касательно упоминавшегося предложения МИД в первоначальном варианте сохранить право СССР снова ввести войска в Австрию, в случае осложнений, связанных с ремилитаризацией Западной Германии, Молотов говорил, что МИД не настаивал на нем, в противном случае это была бы ошибка. Он не отрицал, что некоторые предложения МИД могли быть неправильными или неточными. Президиум и ЦК поправляли их, требуя большей четкости и ясности в проектах. Но это, по его мнению, было вполне рабочим моментом¹²⁰.

Версия событий, изложенная Молотовым, подтверждается А.М. Филитовым, который утверждает, что переформулирование советской политики в австрийском вопросе в начале 1955 г. исходило от МИД¹²¹.

Без сомнения, обсуждения в Президиуме ЦК сыграли роль в этом процессе. Представляется вполне вероятным, что Молотов был тверже остальных советских руководителей в плане сохранения увязки этого вопроса с заключением мирного договора с Германией. Но различия между старой и новой позицией СССР в вопросе австрийского мирного договора не следует переоценивать: они сводились к тому, сохранять или нет символический советский контингент в Австрии до подписания мирного договора с Германией. Прежняя позиция имела смысл в плане заключения сделки в контексте ожидаемого обсуждения по германскому мирному договору, однако к началу 1955 г. эти надежды исчезли и тактические преимущества изменились в пользу подписания договора с Австрией, что могло бы послужить шаблоном для возможного урегулирования по Германии. Если не принимать во внимание последовавшую полемику, не существует свидетельств того, что Молотов испытывал трудности с принятием новой политической линии. Нет также никаких причин полагать, что он вообще мог испытывать проблемы в этой связи, особенно в свете того, что нам теперь известно о его приверженности внешнеполитической линии, направленной на ведение переговоров с Западом.

Если полагать, что в Президиуме ЦК в 1955 г. были "голуби" и "ястребы" (хотя на самом деле ситуация была куда сложнее), тогда Молотов был в первом из этих двух лагерей, а Хрущев – во втором. Как Хрущев давал понять, особенно в его заключительных высказываниях на пленуме, основной направляющей его решимости исправить отношения с Тито была не разрядка с Западом, а его собственная концепция укрепления братской дружбы в рамках соцлагеря: "После Второй мировой войны страны с общим населением в 900 миллионов человек откололись от лагеря империализма. Народная революция победила в такой огромной стране как Китай. Эти страны координируют свои действия... Советский Союз, Китайская народная республика и остальные страны народной демократии должны исходить из общих интересов рабо-

¹²⁰ Пленум ЦК КПСС, июль 1955 г. – РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 143, л. 196.

¹²¹ *Filitov A. The Post-Stalin Succession Struggle...*, p. 138–143.

чего класса и всех трудящихся, из интересов борьбы за победу коммунизма. Таким образом, мы должны заботиться о том, чтобы использовать все материальные и духовные возможности для укрепления нашего социалистического лагеря... Понимать, что социалистические страны обязаны помогать друг другу, чтобы дружба между нами укреплялась... Исторический опыт Советского Союза подчеркивает учение Ленина о том, что различные страны, объединенные интересами сохранения завоеваний социализма, могут выбирать разные формы и методы решения конкретных проблем социалистического строительства, в зависимости от их исторических и национальных особенностей"¹²².

Эти приоритеты вели Хрущева к тому, чтобы предпочесть реальность существования социалистической ГДР неопределенному исходу переговоров по урегулированию германского вопроса. Однако Молотов и МИД продолжали бороться за конструктивные переговоры с Западом, которые могли бы привести к созданию общеевропейской системы коллективной безопасности и затем к нейтрализации объединенной Германии.

ДВЕ ЖЕНЕВЫ

Заключительная фаза советской кампании по созданию европейской коллективной безопасности охватывает женевскую встречу на высшем уровне (18–23 июля 1955 г.) и совещание министров иностранных дел (26 октября – 16 ноября 1955 г.) в Женеве. Линия на создание системы европейской коллективной безопасности, выдвинутая Советским Союзом на этих встречах, была в целом сходной с той, что была представлена годом ранее на Берлинском совещании, однако с некоторыми важными дополнениями и исправлениями. Данные политические акции были разработаны, чтобы ограничить эффект поляризации, вызванный расширением НАТО и созданием ОВД, и облегчить ведение серьезных переговоров об организации общеевропейской системы коллективной безопасности.

Приглашение на саммит для обсуждения мировых проблем было сделано западными державами 10 мая 1955 г., и 24 мая советская сторона приняла его. С этим обстоятельством совпало переформулирование политики Москвы в германском вопросе. 27 мая 1955 г. Пушкин направил Молотову документ, озаглавленный "К вопросу о новых советских предложениях относительно объединения Германии". Исходным пунктом его записки была новая ситуация, созданная с вхождением Западной Германии в НАТО. Поскольку представлялось маловероятным, что в ближайшей перспективе Западную Германию можно будет вынудить покинуть НАТО, требовался новый подход к объединению Германии.

В центре предлагаемой Пушкиным политической перспективы была идея процесса восстановления отношений между ГДР и ФРГ и достижения объединения Германии постепенно, шаг за шагом¹²³. Эта концепция длительного перехода к германскому единству имела двойной смысл. Во-первых, она подчеркивала важность системы коллективной безопасности, которая должна была обеспечить существенные условия для конструктивного сосуществования двух германских государств. Во-вторых, что представлялось более насущным, если ГДР приходилось сосуществовать и стремиться к восстановлению отношений с Западной Германией, то же самое следовало сделать СССР.

В январе 1955 г. Советский Союз заявил о своей готовности нормализовать отношения с ФРГ. В конце того же месяца было издано постановление о прекращении состояния войны с Германией. Декларация была направлена на облегчение подписания договора между СССР и ГДР, однако она также открывала путь к установлению нормальных дипломатических отношений с боннским правительством.

¹²² Цит. в обратном переводе с английского языка, оригинал см.: РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 143, л. 141.

¹²³ Новик Ф.И. Указ. соч., с. 171–172.

8 июня 1955 г. советская сторона опубликовала заявление с предложением об установлении прямых политических, торговых и культурных связей с ФРГ и приглашением федерального канцлера К. Аденауэра посетить Москву для переговоров. Западно-германская сторона отреагировала на эту инициативу позитивно, однако предложила неофициальные переговоры для выяснения ряда вопросов, перед тем как приступить к официальным дискуссиям. Продолжение переговоров принесло свои плоды в виде визита Аденауэра в Москву в сентябре 1955 г. и установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ¹²⁴.

Это событие было "уравновешено" подписанием 27 сентября 1955 г. договора между СССР и ГДР, в котором стороны заверяли друг друга в дружбе, сотрудничестве и продолжении усилий для достижения "объединения Германии на мирной и демократической основе". Одновременно СССР объявил о прекращении деятельности своего Верховного комиссара в Германии и о передаче восточным немцам контроля над границами с Западной Германией, включая Берлин. Это соглашение в действительности было результатом предложения МИД, выдвинутого в декабре 1954 г. относительно пакта о взаимопомощи между ГДР и СССР¹²⁵.

Концепция многофазового подхода в достижении целей также проявилась как центральная в переформулировании советской политики коллективной безопасности. Директивы для советской делегации на женевской встрече¹²⁶ определяли в качестве наиважнейшей цели СССР уменьшение международной напряженности и развитие доверительных отношений между государствами. Что касается коллективной безопасности, то на западные возражения против предыдущих советских предложений следовало ответить выдвиганием новых мероприятий, состоящих из двух стадий. На первой стадии (в течение 2–3 лет) соглашения и структуры, создающие основу НАТО и Варшавского пакта, оставались бы в силе, однако стороны объявили бы о ненападении и политическом сотрудничестве; на второй стадии существующие институты были бы заменены новой системой общеевропейской безопасности. Советская делегация получила инструкции не поднимать германский вопрос по собственной инициативе и противостоять любым попыткам увязать объединение Германии с проблемой коллективной безопасности. Занятие подобной позиции советской стороной было весьма любопытным, принимая во внимание ее предшествующие заявления о неразрывной связи между европейской безопасностью и германским вопросом. Однако советская сторона хотела бы также избежать спора с Западом по поводу общегерманских выборов, что могло бы отвлечь от приоритетного обсуждения вопросов европейской безопасности. Общегерманские выборы были вычеркнуты из советской повестки дня, по крайней мере, на ближайшее будущее. Было очевидно, что подобные выборы привели бы к созданию общегерманского правительства, которое захотело бы удержать Германию в НАТО, а это было абсолютно неприемлемо для Москвы.

Вторым приоритетным вопросом для обсуждения в Женеве был контроль над вооружениями и ядерное разоружение. 10 мая 1955 г. Советский Союз выступил с призывом к ООН образовать Международное агентство, которое смогло бы контролировать радикальное сокращение вооружений и вооруженных сил и инициировать процесс запрещения ядерного оружия¹²⁷. Советская делегация получила задание следовать этим предложениям и оказывать давление на западные государства с целью достижения соглашения.

¹²⁴ Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Документы и материалы. М., 2005.

¹²⁵ *New Times*, 22.IX.1955, p. 8–12; *Новик Ф.И.* Указ. соч., с. 156–169.

¹²⁶ Директивы для делегации СССР на совещании глав правительств четырех держав в Женеве. – АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 3, д. 43, л. 120–156.

¹²⁷ Proposal of the Soviet Government on the Reduction of Armaments, Prohibition of Atomic Weapons, and Elimination of the Threat of Another War. – *New Times*, 14.V.1955, p. 2–6.

На совещании в Женеве, которое проходило с 18 по 23 июля 1955 г., советскую делегацию возглавлял Булганин. Его сопровождали Хрущев, Молотов и Жуков. В своей первой речи Булганин фактически повторил изначальные высказывания Молотова на Берлинском совещании, которое прошло 18 месяцами ранее. Он отметил, что цель конференции заключается "не в том, чтобы выдвигать здесь те или иные обвинения друг против друга, а в том, чтобы отыскать пути и средства ослабления международной напряженности и создания атмосферы доверия во взаимоотношениях между государствами". Позднее в своем выступлении Булганин выделил новое советское предложение поэтапного подхода к европейской безопасности. В отношении германского вопроса Булганин утверждал, что европейская коллективная безопасность является ключом к его решению. Это был пункт, к которому он вернулся в своей заключительной речи на совещании. Возникновение двух отдельных германских государств и их членство соответственно в НАТО и ОВД означали, что "механического слияния" двух частей Германии быть не могло. Что, как заявлял Булганин, требовалось в данной ситуации, так это создание внутренних и внешних условий, способствующих германскому объединению. Внешним условием являлась европейская коллективная безопасность, а внутренним должно было стать восстановление отношений двух германских государств¹²⁸.

В то время как Булганин беседовал с Эйзенхауэром, Иденом, который стал премьер-министром Великобритании, премьер-министром Франции Э. Фором, Молотов участвовал в параллельной дискуссии министров иностранных дел с Даллесом, Г. Макмилланом и А. Пине. В центре обсуждений были вопросы как переговоров на саммите, так и будущей конференции министров иностранных дел. Как и следовало ожидать, западные представители хотели обсуждать германскую проблему и вопрос общегерманских выборов. Молотов, верный своим инструкциям, настаивал, что европейская безопасность должна обсуждаться в первую очередь, отдельно от германского вопроса. Этот продолжительный спор был разрешен принятием решения обсуждать европейскую безопасность и германский вопрос в качестве первого пункта повестки дня будущего совещания министров иностранных дел. При этом оставалось неясным, будут ли эти два вопроса рассматриваться вместе или раздельно. Руководители внешнеполитических ведомств США, Великобритании и Франции расценивали особый акцент Молотова на проблему европейской безопасности как средство избежать или понизить важность обсуждения германского вопроса. Это в действительности было так, но это также отражало советские приоритеты и то, как Москва представляла себе развитие разрядки с Западом¹²⁹.

Единственным конкретным результатом саммита было соглашение о проведении совещания министров иностранных дел в Женеве в октябре 1955 г. для обсуждения европейской безопасности и германского вопроса, проблем разоружения и развития контактов между Востоком и Западом. Однако атмосфера на совещании была позитивной, особенно в ходе конфиденциальных заседаний и встреч¹³⁰. Были достигнуты определенные подвижки по вопросу европейской безопасности. Выступая с первой речью, Иден предложил Советскому Союзу подписать пакт безопасности, заключить соглашение об уровне вооруженных сил и вооружений на территории Германии и около ее границ, а также обсудить создание демилитаризованной зоны между Востоком и Западом в Центральной Европе. Фор говорил о создании общеевропейской организации безопасности в обмен на согласие СССР на объединение Германии. Эйзенхауэр был более сдержан на совещании, однако еще в мае он выступил с идеей создания "нейтрального пояса" в Цен-

¹²⁸ Правда, 19.VII.1955; Bulgani's opening and closing speeches. – New Times, 21.VII.1955, p. 15–19; 28.VII.1955, p. 20–23.

¹²⁹ Стенограммы заседаний министров иностранных дел на совещании глав правительств четырех держав в Женеве. – АВП РФ, ф. 448, оп. 1, п. 3, д. 8.

¹³⁰ Женевское совещание глав правительств 1955 г. Стенограммы заседаний глав правительств четырех держав. – АВП РФ, ф. 445, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 74–76, 92–97, 106–113, 156–169; FRUS, 1955–1957, v. 5. Washington (DC), 1988.

тральной Европе¹³¹. На совещании Булганин отмел эти инициативы: он заявил, что СССР не нуждается в западных гарантиях своей безопасности. Однако заявления Запада обеспечили важные подходы к переформулированию советской политики коллективной безопасности в Европе на пути к совещанию министров иностранных дел. Самое важное, что директива глав правительств своим министрам иностранных дел включала указание рассмотреть пакт европейской безопасности на грядущем совещании¹³².

Ко времени проведения женевской встречи Хрущев утвердил свое главенство в советском руководстве. Дискуссия по югославскому вопросу стала серьезным ударом по престижу Молотова и его позициям в советском руководстве и негативно сказалась на его способности сохранять инициативу и контроль над внешней политикой. Показательный случай, отображающий новое соотношение сил между Хрущевым и Молотовым, произошел за несколько дней до женевского совещания, во время обсуждения в Президиуме ЦК мидовского проекта заявления Булганина по германскому вопросу. Это заявление было подготовлено как ответ на западные претензии по поводу того, что СССР потерял интерес к объединению Германии. Проект отвергал эти предположения и подтверждал советскую поддержку идеи германского единства, но при этом доказывал, что это может быть достигнуто только в контексте европейской коллективной безопасности и постепенного восстановления отношений между ГДР и ФРГ. В этом заявлении не было ничего исключительного – его язык и тон были нормальными по советским меркам и его политическое содержание вполне соответствовало текущему развитию линии Москвы в германском вопросе и вопросе европейской коллективной безопасности. Но проект был отвергнут Хрущевым как слишком "задиристый" и "прямолинейный", в то время как по мнению Булганина заявление было "сухим", его тон "нетерпимым", а выводы не соответствовали тексту. Проект был "возвращен" в МИД, чтобы никогда больше не увидеть свет¹³³. Приблизительно в это же время Молотову был нанесен еще один сокрушительный удар, когда мидовский проект заявления ТАСС по германскому вопросу был существенно исправлен Президиумом ЦК перед его публикацией. Главная цель поправок, внесенных Президиумом ЦК, состояла в том, чтобы обесценить вопрос общегерманских выборов и подчеркнуть необходимость постепенного и поэтапного подхода к воссоединению Германии¹³⁴.

В Женеве присутствие Хрущева было весьма ощутимым. Однако Хрущев, как и Булганин, не отступали от ранее согласованной политической линии, произнося заранее подготовленные тексты речей, выработанные в сотрудничестве с Молотовым и МИД¹³⁵.

Возвращаясь из Женевы, Булганин и Хрущев остановились в Берлине для переговоров с руководством ГДР. 27 июля 1955 г. было опубликовано совместное коммюнике, в котором СССР и ГДР подтвердили обязательство добиваться воссоединения Германии в контексте восстановления отношений между двумя германскими государствами и движения к европейской коллективной безопасности¹³⁶. Это заявление вполне соответствовало советской линии поведения в Женеве. Однако Хрущев также выступил в Берлине с речью на митинге, собравшем 250 тыс. человек, в которой он возвестил о существенном ужесточении советской позиции по германскому вопросу: "Нельзя решить германский вопрос за счет интересов Германской Демократической Республики. Мы уверены, что трудящиеся Германской Демократической Республики не

¹³¹ Dockrill S. The Eaden Plan and European Security. – Cold War Respite: The Geneva Summit of 1955. Baton Rouge, 2000.

¹³² Directive of the Heads of Government of the Four Powers to the Foreign Ministers. Geneva, 23.VII.1955. – FRUS, 1955–1957, v. 5, p. 527–528.

¹³³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964, т. 2. М., 2006, с. 14, 97–100.

¹³⁴ Там же, с. 93–97; Заявление ТАСС по германскому вопросу. – Правда, 13.VII.1955.

¹³⁵ Проект речи Булганина на открытии совещания и правки Молотова см.: АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 3, д. 43, л. 101–121, 156–157.

¹³⁶ The Current Digest of the Soviet Press, v. 7, 1955, № 30, p. 14–15.

согласятся с такой точкой зрения, которая учитывает лишь интересы западной группировки стран, в ущерб интересам Германской Демократической Республики. Может ли Германская Демократическая Республика согласиться с тем, чтобы ее включили в Североатлантический пакт и Западноевропейский союз и взвалили на ее плечи бремя гонки вооружений? Могут ли трудящиеся Германской Демократической Республики пойти на ликвидацию всех своих политических и социальных завоеваний, на ликвидацию всех демократических преобразований? Мы убеждены, что трудящиеся Германской Демократической Республики не согласятся пойти по такому пути"¹³⁷.

Поднятая Хрущевым тема была подхвачена Булганиным в докладе о женевском совещании на сессии Верховного Совета СССР 4 августа 1955 г.: "нельзя не учитывать того, что в обоих этих государствах сложились разные по своей природе общественные и экономические уклады. В Германской Демократической Республике у власти стоят рабочие и их союзники... ставшие на путь социалистического строительства и полные уверенности в правильности избранного ими пути. Вполне понятно, если трудящиеся Германской Демократической Республики заявляют, что они не могут поставить под угрозу свои завоевания, достигнутые за указанный период"¹³⁸.

Сходные настроения отразились и в мидовском проекте послания правительствам стран "народной демократии" по результатам переговоров в Женеве, в котором было заявлено, что решение германского вопроса не произойдет за счет социалистических завоеваний ГДР и что восстановление отношений между двумя германскими государствами займет 10 лет. Документ также прояснял, что не может быть и речи о признании объединенной Германии, интегрированной в НАТО в обмен на западные гарантии безопасности СССР¹³⁹.

Подобное развитие событий означало, что надежда на создание системы европейской коллективной безопасности мала, поскольку Запад потребует определенного компромисса по германскому вопросу, если ему придется инициировать это мероприятие. Дилемма, с которой Молотов и МИД столкнулись в ходе подготовки женевского совещания министров иностранных дел, состояла в том, как продолжать вести переговоры по коллективной безопасности и одновременно реагировать на давление со стороны Хрущева и прочих в вопросе дальнейшей интеграции ГДР в социалистический лагерь.

Ответом МИД на эту дилемму стала очередная инновация: предложение о том, что Восточная и Западная Германия должны сформировать конфедерацию с целью облегчения процесса восстановления отношений между двумя государствами и подготовки почвы для будущего объединения. Представляя 8 октября 1955 г. это предложение Молотову от имени группы разработчиков (которая включала в себя Громыко и Пушкина), Семенов сказал, что: "На наш взгляд, вопрос формирования германской конфедерации является принципиально новым, и поэтому было бы желательно обменяться мнениями с руководящими товарищами перед представлением проекта в Президиум ЦК. Со своей стороны мы полагаем, что поскольку в рамках германской конфедерации ГДР и ФРГ сохранят полный суверенитет, подобное предложение выполняет как задачу укрепления ГДР как суверенного государства, так и задачу сохранения в наших руках знамени германского единства"¹⁴⁰.

Сотрудники МИД полагали, что германская конфедерация будет сформирована на условиях, согласованных между ГДР и ФРГ. Для обеспечения координации будет избрана консультативная ассамблея и общегерманские правительственные органы.

¹³⁷ Митинг в Берлине по случаю пребывания в Германской демократической республике советской правительственной делегации. Речь товарища Н.С. Хрущева. – Правда, 27.VII.1955.

¹³⁸ Правда, 5.VIII.1955; New Times, 11.VIII.1955, p. 14.

¹³⁹ Проект информации послов стран народной демократии об итогах Женевского совещания глав правительств четырех держав. – АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 3, д. 44. л. 29–47.

¹⁴⁰ Цит. в обратном переводе с английского языка, оригинал см.: АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 3, д. 46, л. 1.

Конфедерация облегчит сотрудничество между двумя германскими государствами; следует провести переговоры по заключению соглашения об объединении Германии в качестве демократического и миролюбивого государства; объединение Германии включало бы в себя и проведение общегерманских выборов¹⁴¹. Семенов также предлагал провести консультации с руководством ГДР относительно этих предложений. Был подготовлен проект телеграммы советскому послу в Берлине с предложением неофициального визита в Москву восточногерманской делегации¹⁴².

Неясно, какого рода консультации имели место, однако в окончательном проекте указаний делегации имелось существенное изменение: пункт о создании германской конфедерации был опущен и заменен следующим: "При рассмотрении германского вопроса на совещании, делегация должна исходить из того факта, что в современных условиях фундаментальной задачей в отношении германского вопроса является консолидация социальной системы, формирующейся в ГДР, а также усиление внешнеполитических позиций ГДР как суверенного государства. В этих условиях необходимо дать отпор всем попыткам трех западных держав решить германский вопрос за счет ГДР и его социальных завоеваний"¹⁴³.

Как показывает эта директива, существовавшая в советской политике тенденция принять перспективу существования двух Германий, в которой приоритетом являлось усиление ГДР в качестве члена социалистического лагеря, консолидировалась в определенную политическую позицию. Однако Молотов еще не отказался от решения германского вопроса путем переговоров, во взаимосвязи с проблемой европейской коллективной безопасности. В ходе женевского совещания он вынужден был предпринять последнее усилие для того, чтобы убедить советское руководство одобрить более примирительный подход к переговорам с западными державами.

Более успешным был другой компонент подготовки МИД к женевскому совещанию: дальнейшее усовершенствование многоступенчатого подхода к достижению европейской коллективной безопасности. В то время как изначальное советское предложение об общеевропейской коллективной безопасности должно было быть снова выдвинуто в случае, если Запад отвергнет всеобъемлющий пакт, Молотов затем должен предложить договор о безопасности между меньшим количеством государств, возможно только между четырьмя великими державами и двумя Германиями. При этом не существовало бы временных ограничений по упразднению существующих группировок, таких как НАТО и ОВД. Если и это предложение будет отвергнуто, СССР должен предложить договор о ненападении между четырьмя державами и, если это будет неприемлемо, это могло бы быть просто соглашением о ненападении между НАТО и Варшавским договором. Советская сторона готова была также рассмотреть учреждение контролируемой зоны в Центральной Европе, включая обе части Германии, внутри которой вооруженные силы имели бы ограниченную численность и подвергались бы инспекциям. Советской делегации было также указано выдвигать прежние предложения по контролю над вооружениями и ядерному разоружению¹⁴⁴.

Достигнув этой, более гибкой, позиции по вопросам европейской безопасности, советская сторона, в действительности, вступила на путь сближения с западными державами, которые готовились представить инициативы, идущие дальше их прежнего предложения гарантий безопасности. На этот раз советская кампания была более успешной. На западные правительства оказывало давление общественное мнение: идея общеевропейской коллективной безопасности пользовалась растущей популяр-

¹⁴¹ О создании германской конфедерации. – АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 3, д. 46, л. 28–29.

¹⁴² Там же, л. 31.

¹⁴³ Цит. по обратному переводу с английского языка. – Там же, л. 82.

¹⁴⁴ Директивы для делегации СССР на совещании министров иностранных дел четырех держав в Женеве. – Там же, л. 73–108. Это был окончательный вариант проекта указаний, направленный Молотовым в Президиум ЦК 15.X.1955 г.

ностью. Анализ опросов общественного мнения, подготовленный для администрации Эйзенхауэра сразу после женеvской встречи, убеждал, что результаты "повышают сомнения относительно будущего НАТО". Наиболее впечатляющие данные касались вопроса: "представьте, что будет выдвинуто предложение заменить НАТО системой безопасности, включающей и США, и СССР, и другие европейские государства. Вы бы одобрили это предложение, или вы предпочитаете уже существующие меры обеспечения западноевропейской обороны?" 38% респондентов в Британии, Франции и Италии ответили, что предпочли бы новую систему, в то время как сохранение НАТО предпочли бы только 19%, а 43% затруднились с ответом. Число тех, кто предпочел бы взаимный вывод американских и советских войск из Европы, было еще выше. Среди "верхних социально-экономических слоев населения" процент тех, кто предпочитал общеевропейскую безопасность и вывод войск был еще выше. "НАТО, в действительности, представляется весьма уязвимым с точки зрения общественного мнения", – такой вывод делался на основе анализа данных. "По крайней мере, кажется, что народы Западной Европы теперь хотят изучить альтернативную НАТО систему мер обеспечения безопасности"¹⁴⁵.

В ответ на эти и другие политические затруднения западные державы решили предложить договор о европейской безопасности. Согласно этому договору следовало бы отказаться от использования военной силы, ограничить вооружения и численность вооруженных сил, взять обязательства по совместному противодействию агрессии, независимо от того, будет ли нападающая сторона, или ее жертва членом НАТО. Это предложение было весьма далеко от советской концепции замены структур "холодной войны" новой системой общеевропейской коллективной безопасности, но гораздо ближе к той переформулировке политической позиции, которую предпринял советский МИД по итогам встречи на высшем уровне в Женеве.

Позиция Запада была изложена в конфиденциальном четырехстороннем документе по политическим вопросам и линии поведения на предстоявшем женеvском совещании. Документ был подготовлен рабочей группой, заседавшей в Париже 10–20 октября 1955 г. Однако к 28 октября 1955 г. Комитет государственной безопасности сумел представить Хрущеву полный русский перевод французской версии этого секретного документа¹⁴⁶. Неизвестно, видел ли Молотов этот документ, но он бы его ничем не удивил. Вероятность того, что Запад выступит с такого рода предложением, хорошо прослеживалась советской стороной. В информационном документе, подготовленном в МИДе накануне совещания, суть западных предложений оценивалась правильно. В документе содержался комментарий о том, что если по германскому вопросу западные государства едины, то в вопросе о европейской безопасности между ними есть разногласия и напряженность. В отличие от американцев, британцы и французы не предали идею о том, что германское единство должно стать предварительным условием соглашения по европейской безопасности: "факты показывают, что правящие круги Франции и Англии склоняются к достижению соглашения между западными странами и СССР относительно мер по уменьшению напряженности в Европе даже при сохранении двух германских государств"¹⁴⁷.

Отсюда следовало, что СССР сможет получить свой кусок пирога – в плане европейской безопасности и сохранения ГДР. Однако если в Москве и были такие расчеты, они оказались иллюзиями, которые не были долговечными, поскольку с самого

¹⁴⁵ Eisenhower Library, Eisenhower Papers, A. Whitman File, International Meetings Series, Box 2, Geneva Conference 1955 (4).

¹⁴⁶ 115-страничный перевод и сопроводительную записку КГБ Хрущеву см.: РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 115.

¹⁴⁷ О возможных позициях трех западных держав по германскому вопросу и вопросу безопасности в Европе на предстоящем совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции в Женеве. – Там же, д. 114, л. 191–217. Цит. в обратном переводе с английского языка.

начала совещания Запад дал понять, что платой за европейскую коллективную безопасность должна стать объединенная Германия.

Главным указанием Президиума ЦК советской делегации было закрепление успеха женеvского совещания на высшем уровне и поиск путей к дальнейшему уменьшению международной напряженности. Выступая в Верховном Совете СССР в августе 1955 г., Булганин подвел итоги женеvского совещания, отметив, что это был важный поворот в сторону улучшения отношений между четырьмя державами. Он также выразил надежду, что этот поворотный момент закончит "холодную войну", обеспечит демонстрацию доброй воли всех заинтересованных сторон и искреннее желание сотрудничать.

Открытие совещания министров иностранных дел в Женеве, казалось бы, подтверждало надежды на дальнейшее продвижение к разрядке. Первым пунктом повестки дня была европейская безопасность. Молотов представил разнообразные советские предложения по многоступенчатому подходу к достижению европейской коллективной безопасности, в то время как западные участники представили на рассмотрение свои "Основные принципы договора о гарантиях по воссоединению Германии"¹⁴⁸, которые предлагали пакт о безопасности в обмен на общегерманские выборы, ведущие к воссоединению страны. В ходе обсуждения обе стороны приветствовали встречные предложения друг друга, отмечая сближение позиций со времени берлинского совещания и женеvского саммита. Молотов приветствовал тот факт, что Запад осознал потребность в европейской коллективной безопасности и принял довольно примирительный тон даже когда он выступал против увязывания договора о гарантиях с проблемой объединения Германии¹⁴⁹. Даллес был почти сентиментален в своей оценке продвижения к соглашению, заявив 2 ноября 1955 г.: "Поскольку я исследовал предложения, выдвинутые западными державами, и сравнил их с предложениями и позициями, изложенными господином Молотовым, я обнаружил, что существует очень существенный параллелизм в нашем мышлении... мы, как мне кажется, достигли в весьма высокой степени параллельного мышления в отношении концепции европейской безопасности... Мне кажется, что мы достигли точки, когда в результате конструктивных размышлений обеих сторон мы сможем увидеть вполне осуществимый образ европейской безопасности"¹⁵⁰. Но, как продолжил Даллес, существовал и камень преткновения – это были неудачные попытки договориться по германскому вопросу.

С начала совещания западные представители оказывали давление на Молотова в вопросе об общегерманских выборах, подчеркивая, что в указаниях глав государств, согласованных на встрече на высшем уровне в Женеве, утверждалось, что "решение германского вопроса и воссоединение Германии посредством свободных выборов будет проведено в соответствии с национальными интересами немецкого народа и интересами европейской безопасности"¹⁵¹. Молотову напомнили, что на берлинском совещании он поддержал идею общегерманских выборов. В ответ Молотов повторил советскую позицию о том, что со времен совещания в Берлине положение дел изменилось, и что продвижение к выборам должно основываться на признании факта существования двух германских государств с различными социальными системами. Далее Молотов доказывал, что идея европейской безопасности должна быть осуществлена раньше: она призвана обеспечить основы для воссоединения Германии в качестве демократического и миролюбивого государства. Молотов говорил, что путем вперед является восстановление отношений между двумя Германиями. С этой целью он предлагал учреждение общегерманского совета из представителей ГДР и ФРГ.

¹⁴⁸ Department of State Bulletin, 7.XI.1955, p. 730–732.

¹⁴⁹ Soviet News, 28.X.1955, 31.X.1955, 1.XI.1955, 2.XI.1955, 3.XI.1955.

¹⁵⁰ Department of State Bulletin, 14.XI.1955, p. 780–781.

¹⁵¹ Ирония ситуации заключалась в том, что именно Молотов предложил эту формулировку на Женевской встрече. См.: АВП РФ, ф. 448, оп. 1, п. 3, д. 8, л. 54–55.

Молотов не исключал проведение общегерманских выборов в конечном счете, однако давал ясно понять, что ни при каких обстоятельствах членство объединенной Германии в НАТО не будет являться приемлемым условием. Продолжение членства ФРГ в НАТО было отдельным вопросом, и значение советского предложения о пакте о ненападении между НАТО и ОВД заключалось в том, что Западная Германия смогла бы остаться членом западного альянса в обозримом будущем.

Обмен мнениями между Молотовым и главами западных внешнеполитических ведомств был искренним и хорошо аргументированным с обеих сторон. Но было ясно, что дальнейший прогресс в переговорах по пакту о европейской безопасности невозможен в отсутствие соглашения по общегерманским выборам. В этот момент слушаний Молотов вернулся в Москву для консультаций с советским руководством. На заседании Президиума ЦК 6 ноября 1955 г. он представил резолюцию "Европейская безопасность и Германия", которая была подготовлена, чтобы разблокировать тупик, создавшийся в отношении общегерманских выборов. Молотовская резолюция предлагала возврат к более ранней советской позиции по германскому вопросу: выборы возможны, а объединенная Германия должна оставаться нейтральной. Еще более важно: резолюция определяла, что ГДР и ФРГ должны будут обсудить и подготовиться к общегерманским выборам в как можно более короткий срок. Это обязательство проведения выборов было подстраховано определенными ограничениями, например, в отношении защиты "демократических и социальных преобразований и свобод" немецкого народа – но оно открывало путь для дальнейших переговоров. Документ подытоживал, что в целях облегчения проведения в максимальной степени свободных выборов все иностранные войска (за исключением небольших ограниченных контингентов) должны были быть выведены из Германии в течение трех месяцев.

Это было уже слишком много для советского руководства, которое отвергло предложения Молотова и решило вновь подтвердить существующие указания советской делегации¹⁵². Согласно записям обсуждения в Президиуме ЦК 6 ноября 1955 г., Хрущев возражал против предложения Молотова: "Ход совещания нормален. Делегация все сделала. Что предлагается – не стоит идти на это. Много подводных камней. Они могут пойти на вывод войск. Даллес маневрирует. Немцев дезориентируем, если уйдем ни с чем; ничего, годик еще поживем".

Молотов ответил, что: "вызвано это предложение тем, что перед немцами это выглядит – [они] за выборы, а мы нет. Тактически не поставили бы себя в менее выгодное положение. Мы требуем от них отмены Парижских соглашений".

Однако Хрущева поддержали остальные члены Президиума ЦК. В конце дискуссии он высказался так: «Вой поднимут, что позиция силы берет верх. Немцы из ГДР скажут: "Вы нас предаете". Мы ничем не рискуем. 20 миллионов немцев, это же мы в душу немцев залезаем. В центре Европы. Тактику новую разработать. Терпение и упорство проявить. Позиции не менять».

Обсуждение продолжилось на заседании Президиума ЦК на следующий день, когда Хрущев стал убеждать: «Год назад мы ставили вопрос о выборах. Тогда не приняли. Теперь положение изменилось. Хотят с позиции силы теперь говорить о выборах. Этому надо противопоставить нашу аргументацию. Говорите "если ФРГ выйдет из НАТО"; не втягивать себя в этот разговор. Лучше передать этот вопрос самим немцам. Вопрос о европейской безопасности – общий вопрос – он может быть решен и при двух Германиях. Мы хотим сохранить созданный в ГДР строй – сказать об этом»¹⁵³.

Хрущева поддержали остальные члены Президиума ЦК. Дверь к продолжению переговоров по общегерманским выборам была резко захлопнута. Молотов вернулся в Женеву и в соответствии с новой инструкцией 8 ноября 1955 г. выступил с речью, ко-

¹⁵² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964, т. 2, с. 104–107.

¹⁵³ Там же, т. 1, с. 58–60.

торая не только исключала общегерманские выборы в обозримом будущем, но и давала Восточной Германии действенное право вето на объединение Германии: "Механическое слияние двух частей Германии посредством так называемых свободных выборов... может привести к нарушению жизненных интересов трудящихся Германской Демократической Республики... Естественно, нельзя согласиться на то, чтобы фабрики и заводы, земля и ее минеральные богатства были бы отняты у трудящихся Германской Демократической Республики... единственный путь к поиску правильного разрешения германской проблемы заключается в том, чтобы полностью отдавать себе отчет, что на территории Германии существует два различных германских государства, и что воссоединение Германии не может быть осуществлено иначе, как путем взаимного согласия этих государств"¹⁵⁴.

В ответной речи 9 ноября 1955 г. Даллес правильно оценил важность изменений в советской позиции: "Вчера, господин Молотов, только что вернувшийся из Москвы, сделал заявление от имени Советского Союза. Это имело столь серьезные последствия, что я попросил отложить нашу встречу до сегодняшнего дня, чтобы иметь возможность тщательно обдумать его заявление... Советский Союз утверждает самым категоричным образом, что безопасность в Европе наилучшим образом может быть обеспечена посредством продолжения раздела Германии, по крайней мере, до тех пор, пока Германия не сможет быть объединена на таких условиях, которые позволят советизировать всю Германию... Я был бы неискренним, если бы не сказал что, как это представляется США, то, что здесь случилось – в значительной степени разрушило то доверие, которое было рождено совещанием на высшем уровне в Женеве"¹⁵⁵.

В отсутствие перспективы решения вопроса об общегерманских выборах западное предложение по пакту европейской безопасности было снято с повестки дня. Совещание закрылось, так и не достигнув соглашения. В кратком коммюнике, выпущенном по окончании конференции, отмечалось, что состоялась "откровенная и всесторонняя дискуссия" и что четыре министра иностранных дел договорились рекомендовать своим правительствам проводить дальнейшее обсуждение по дипломатическим каналам. Мидовская оценка конференции, изложенная в проекте телеграммы для стран "народной демократии", заключалась в том, что совещание продемонстрировало, что западные государства не заинтересованы в коллективной безопасности, а только "в ликвидации ГДР, ремилитаризации всей Германии и включении объединенной Германии в западный военный блок"¹⁵⁶. Западные державы "не хотят обсуждать с Советским Союзом в деловой манере вопрос о европейской безопасности, или германский вопрос", – было заявлено в проекте доклада Молотова по результатам совещания. Самое лучшее, что можно было сказать о совещании, это то, что если международная атмосфера не улучшилась, то она и не ухудшилась¹⁵⁷.

Но не Молотов вынес официальный советский вердикт совещанию, а Хрущев, вернувшийся из своего триумфального визита в Бирму и Индию осенью 1955 г. Хрущева во время поездки сопровождал Булганин; оба советских руководителя выступили с докладами перед Верховным Советом СССР в конце декабря 1955 г. Доклад Булганина концентрировался собственно на итогах поездки, но Хрущев воспользовался возможностью произнести всестороннюю речь по вопросам внешней политики¹⁵⁸.

Речь Хрущева была в высшей степени полемичной и идеологизированной. Хрущев сказал, что, в конечном счете, решающая роль в международных делах принадлежит народу, миллионам "простых людей, которые выступают за обеспечение безопасно-

¹⁵⁴ Soviet News, 9.XI.1955, p. 2.

¹⁵⁵ Department of State Bulletin, 21.XI.1955, p. 825–827.

¹⁵⁶ Информация о Женевском совещании для правительств стран народной демократии и Югославии. Цит. в обратном переводе с английского языка. – АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 4, д. 51, л. 2–10.

¹⁵⁷ Заявление В.М. Молотова об итогах совещания министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции в Женеве. – АВП РФ, ф. 06, оп. 14, п. 4, д. 52, л. 2–17.

¹⁵⁸ Заседание Верховного Совета СССР. Речь товарища Н.С. Хрущева. – Правда, 30.XII.1955.

сти, за разоружение, за смягчение международной напряженности, за прекращение холодной войны". Советский Союз, говорил Хрущев, стоит за мирное сосуществование и мирное соревнование с капиталистическим миром, но это не означает, что он отказался, или когда-нибудь откажется от своей идеологии: "Мы никогда не отказывались и не откажемся от своих идей, от борьбы за победу коммунизма. Идеологического разоружения от нас они никогда не дождутся!" В таком же тоне Хрущев защищал Коминформ, что было курьезом, учитывая, что через несколько месяцев он распустит эту организацию: "Конечно, противникам коммунизма не нравится Коминформ... Врагам коммунизма не нравится не только Коминформ, им гораздо больше не нравится тот непреложный факт, что всепобеждающее учение коммунизма с каждым годом завоевывает под свое знамя все больше и больше людей во всех странах". Как следовало ожидать, Хрущев обвинял Запад в угасании "духа Женевы" и в провале совещания министров иностранных дел: «Самый острый вопрос сегодня – это вопрос об обеспечении европейской безопасности. От решения этого вопроса зависит урегулирование и других международных проблем. Вы знаете, однако, что наши партнеры по переговорам – США, Англия и Франция – противопоставляют этому вопросу германскую проблему. Их позиция состоит в том, чтобы к Западной Германии присоединить Германскую Демократическую Республику, ликвидировав социальные завоевания трудящихся ГДР, вооружить до зубов это объединенное и, притом, включенное в НАТО Германское государство. На таких условиях они не прочь подписать договор о "европейской безопасности", хотя на деле это не только не вело бы к обеспечению безопасности в Европе, но, напротив, намного увеличило бы угрозу развязывания новой войны в Европе со всеми ее тяжелыми последствиями для народов»¹⁵⁹.

По мнению Хрущева, цель западных стран на переговорах заключалась не только в усилении НАТО, но и в том, чтобы заставить СССР и страны народной демократии капитулировать и принять их условия. Хрущев повторил довод, изложенный им на заседании Президиума ЦК в ноябре 1955 г.: тот факт, что объединение Германии при существующих условиях невозможно, не должен препятствовать соглашению по европейской коллективной безопасности. В этом отношении Хрущев благоприятно отзывался о высказываниях Идена и Форса по европейской безопасности на саммите в Женеве, сказав, что эти заявления создали основу для переговоров. Однако именно из-за связи между германским вопросом и проблемой европейской безопасности переговоры на совещании министров иностранных дел потерпели неудачу. Хрущев ничего не сказал о том, как можно было бы преодолеть различия между западной и советской позициями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучая упущенные возможности в истории "холодной войны", специалист по американо-советским отношениям Д.У. Ларсон отмечала, что, чтобы возможность можно было считать упущенной, она должна существовать. Должна быть реальная альтернатива, при реализации которой стороны могли бы договориться: "Тезис об упущенных возможностях влечет за собой необходимость демонстрации того, что обе стороны хотели договориться, для иного результата история не должна быть полностью переписана. Другими словами, что вполне была вероятна такая последовательность событий, которая могла бы привести к соглашению"¹⁶⁰. Одним из исследованных ей в этом отношении эпизодов была возможность решения германского вопроса после смерти Сталина. Д.У. Ларсон доказывает, что такая вероятность существовала, наилучшие шансы для ее реализации были в 1953–1954 гг. – до вступления Западной Германии в НАТО и до укрепления Восточной Германии в качестве социалистическо-

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ *Larson D.W. Anatomy of Mistrust: US-Soviet Relations during the Cold War. Ithaca, 1997, p. 3.*

го государства. Эта возможность не была реализована из-за взаимного недоверия, основанного на "идеологических различиях, историческом багаже и интуитивных ментальных предубеждениях"¹⁶¹. Изучая причины "упущенных возможностей", историк отмечает сложное воздействие, которое на внешнюю политику Москвы оказывала советская внутренняя политика, в частности личное и политическое соперничество внутри послесталинского руководства¹⁶².

Настоящая статья подтверждает многие из доводов Д.У. Ларсон. Советская сторона всерьез рассматривала возможность мирного решения германского вопроса, включая проведение свободных общегерманских выборов, при условии гарантии соблюдения интересов своей безопасности. Это означало создание системы европейской коллективной безопасности и нейтральный статус объединенной Германии. После вступления ФРГ в НАТО Москва отказалась от стратегии "сдачи" ГДР в обмен на коллективную безопасность, однако возможность такого решения сохранялась до совещания министров иностранных дел в октябре–ноябре 1955 г. К этому времени наметилось существенное совпадение западной и советской позиций по европейской коллективной безопасности. Точки зрения по германскому вопросу, правда, расходились. Однако компромисс между СССР и Западом на основе постепенного перехода к объединению Германии, при котором ФРГ и ГДР временно могли бы оставаться членами соответствующих блоков, был еще возможен в контексте движения в сторону долговременной разрядки и создания структур европейской коллективной безопасности. С советской стороны главным препятствием такому решению проблемы было доминирование Хрущева в Президиуме ЦК и в вопросах внешней политики.

Д.У. Ларсон, не имевшая доступа к российским архивам, неверно трактует многие разногласия по вопросам внешней политики внутри советского руководства. Главным действующим лицом с советской стороны, продвигавшим идеи разрядки, коллективной безопасности и компромиссного решения германского вопроса, был Молотов, который был весьма далек от того образа консервативного сторонника жесткой линии, который создан в книге Д.У. Ларсон. Маленков, как и Берия, действительно были сторонниками конструктивных переговоров с Западом. Однако Молотов и возглавляемый им МИД выступали инициаторами, инноваторами и проводниками этой политики. Хрущев, напротив, предпочитал внешнюю политику, в которой акцент делался на идеологическую воинственность и политическую борьбу, а не на дипломатические переговоры. Главным приоритетом Хрущева было укрепление социалистического лагеря, что означало предпочтение коммунистического контроля над Восточной Германией политике коллективной безопасности.

К сожалению, спор между Хрущевым и Молотовым по Югославии в первой половине 1955 г., который привел к изоляции Молотова в Президиуме ЦК, совпал с финальной стадией процесса, ведущего к перевооружению Западной Германии и ее приему в НАТО. Соответственно возможность Молотова сохранять контроль над внешней политикой ослабла, в то время как аргументы Хрущева в пользу более осторожной политики "двух Германий" получили дополнительную силу.

Советское руководство не собиралось признавать поражения в "холодной войне", отказавшись от коммунистического блока. Достижение решения германской проблемы было делом иного рода. Свидетельства показывают, что до середины 1955 г. существовала определенная возможность договоренности по общегерманским выборам, которые вели бы к объединению Германии, в обмен на соглашение по европейской коллективной безопасности.

Исходное предложение Москвы по созданию европейской коллективной безопасности было нереалистичным: Эйзенхауэр требовал "освобождения" Восточной Европы. Однако к середине 1955 г. советские предложения были развиты в концепцию разрядки между Востоком и Западом. Разрядка между блоками вела бы к постепенному ро-

¹⁶¹ Ibid., p. 5.

¹⁶² Ibid., Chapter 2.

спуску всех структур, порожденных "холодной войной". В таком контексте компромисс между советским требованием нейтральной Германии и желанием Запада усилить НАТО посредством включения в него ФРГ мог быть вполне возможен, при наличии определенного доверия и доброй воли обеих сторон. Конечно, нельзя сказать, что возможность мира, если бы стороны использовали ее, не несла бы в себе проблем. Неясно, какое влияние могла бы оказать потеря ГДР на советский контроль над Восточной Европой или на социалистическую систему в самом СССР. При этом также было неясно, будет ли объединенная Германия долго оставаться удовлетворенной своим нейтралитетом, ограничением уровня вооружений и подчиненным положением в системе европейской коллективной безопасности. Возможно, окончание "холодной войны" привело бы к уменьшению уровня безопасности и стабильности в Европе. Однако успех советской кампании в пользу европейской коллективной безопасности в середине 1950-х годов мог бы привести к продолжительной и глубокой разрядке в отношениях между Востоком и Западом, которая предотвратила бы многие негативные последствия "холодной войны", продлившейся еще несколько десятилетий.